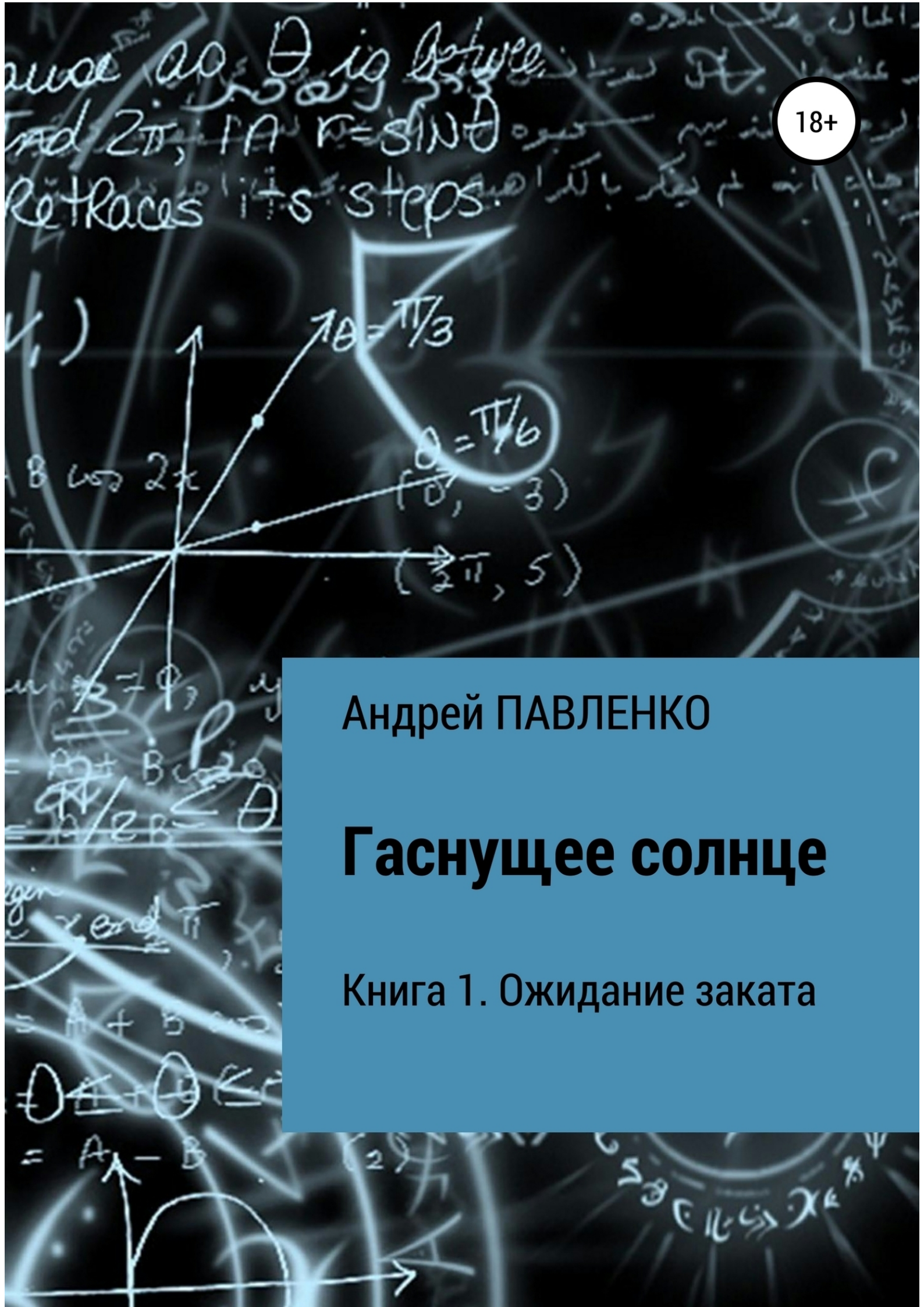

18+

Андрей ПАВЛЕНКО

Гаснущее солнце

Книга 1. Ожидание заката

Гаснущее солнце

Андрей Павленко
Ожидание заката

«Автор»

2020

Павленко А.

Ожидание заката / А. Павленко — «Автор», 2020 — (Гаснущее солнце)

Уверены ли вы, что все, прочитанное и услышанное вами об окружающем мире, правда? Знаете, что происходит на самом деле? Готовы принять это? Что, если правда гораздо невероятнее и... страшнее?

Содержание

Книга 1. Ожидание заката	6
Часть 1	10
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Андрей Павленко

Ожидание заката

ГАСНУЩЕЕ СОЛНЦЕ

Все имеет свою цену. Разную, иногда странно низкую, но гораздо чаще – необоснованно завышенную.

Поднявшиеся в силу своих способностей или везения над общей массой и имеющие более высокий доход, приобретают практически те же блага, что и оставшиеся позади неудачники, но по завышенной цене, что должно символизировать их уникальность, одновременно подчеркивая серьезные возможности покупателя.

Но горбушка черного хлеба иногда стоит больше, чем ланч из крабоидов с топленным маслом, тостов с черной икрой и бутылкой «Мутон Ротшильд» урожая тысяча девятьсот сорок пятого года – это зависит от обстоятельств.

Лакшери, товары первой необходимости, одежда и игрушки, книги или техника – изделия, требующие разного количества операций в технологическом цикле, не всегда имеют цену, равную их полезности.

Когда-то не так давно считалось, что вода бесплатна. Вопреки расхожему мнению, время показало, что это не так.

Теперь многим кажется, что воздух, которым они дышат, принадлежит всем, а потому и им тоже. Они ошибаются. То, что принадлежит всем, не принадлежит никому. А значит, объявится хозяин и рано или поздно придется платить. И за возможность принести несколько капель воды своему ребенку или глоток воздуха, человек отдаст все.

Часто говорят, что здоровье не купишь. Это не так. Купить можно все. Просто у тех, кто так говорит, просто-напросто не хватает средств. Денег или возможностей.

Даже бесплатные вещи имеют определенную стоимость, подчас большую, чем те, на ценники которых нанесены баснословные цифры.

Мнения и предпочтения, иллюзии и спокойствие, жизни и свобода. Ветер и дождь, звезды и солнце. В материальном мире все имеет свою цену. И не всегда речь идет о деньгах.

Но есть вещи, не имеющие цены.

Книга 1. Ожидание заката

Пролог

Восемь автомобилей стояли на потрескавшейся асфальтовой площадке перед открытыми воротами. Разбитая дорога через поля, на которых давно ничего не сажают, заканчивалась здесь на пяточке, и сразу начинается лес. Он появляется внезапно, резко. Выступает давящей громадой, и обнимает с одной стороны площадку с автомобилями. На краю площадки высится скелет раскрошившейся бетонной опоры, на которой, прикрученная проволокой, болтается старая вывеска с выцветшей надписью «Дом отды.. «...ово» и что-то неразборчивое буквами помельче. За уцелевшей створкой ворот начинается когда-то ухоженная, а теперь изрядно заросшая, ведущая вглубь леса, аллея.

Чудом уцелевший бесхозный островок в океане всеобщей приватизации.

Сквозь плотно тонированные стекла невозможно было разглядеть пассажиров.

Один из водителей не спеша прохаживался вдоль забора, другой курил сигарету, задумчиво прищурившись на розовый майский закат. Остальные дисциплинированно сидели в машинах, кое-кто, правда, позволил себе приоткрыть двери.

Собрание было назначено на одиннадцать вечера, но приглашенные прибыли гораздо раньше, едва стало смеркаться.

Ровно без пяти одиннадцать серебристый «Лексус», стоявший прямо напротив ворот, мягко тронулся с места, и поблескивая в свете луны дорогими дисками, неторопливо покотился по аллее. За ним потянулись остальные.

Вереница автомобилей медленно ползла по лесу, изгибы дороги не позволяли набрать достаточную скорость. Свет фар выхватывал из темноты черные стволы деревьев за остатками проржавевшей сетки, когда-то натянутой вдоль дороги.

Спустя несколько минут кортеж остановился возле трехэтажного дома, явно хрущевских времен постройки, судя по бесформенному нелепому силуэту. Силуэту – так как в темном здании не освещалось ни одно окно, создавая впечатление, будто хозяева навсегда покинули дом. Лишь над дверью тускло светила лампочка, с лениво вившейся вокруг первой мошкаррой.

Хлопанье дверей, скрип гравия под ногами, приглушивший звуки ночного леса – приежжие прибыли в место назначения. Седой мужчина в тонком кашемировом пальто, идущий первым, решительно открыл входную дверь и шагнул в дом. За ним двинулись остальные.

Просторный темный вестибюль, очертания лестницы на второй этаж, какие-то плакаты на стенах и растения в кадках на полу, судя по всему, искусственные – вот и все, что можно было разобрать благодаря луне, призрачный свет которой с трудом проникал сквозь давно не мытые окна.

В противоположном конце холла приоткрытая дверь, за ней едва освещенная лестница вниз.

Мужчина в пальто шел уверенным шагом, словно заранее знал дорогу. В его манерах угадывался чиновник высокого ранга, привыкший руководить, и руководить жестко. Однако и он и его спутники здесь были впервые.

Спустившись в подвал, и пройдя длинным, так же скупо освещенным коридором, на стенах которого угадывались следы плесени, гости очутились в помещении, больше всего напоминающем заброшенную душевую в какой-нибудь поселковой больнице. Стены и пол небрежно обложены местами осыпавшимся дешевым кафелем, засорившиеся сливные отверстия в полу, болтающиеся куски труб на стенах. И такое же убогое освещение.

Посреди комнаты, слегка опираясь кончиками пальцев на старую школьную парту, невесть откуда здесь оказавшуюся, стоял, закрыв глаза, мужчина среднего роста, лет сорока

на вид. Светлые волосы, светлые туфли, пепельный костюм, белая рубашка. Сплошные серые тона, и при таком слабом освещении встречающий словно терялся на фоне серой плитки.

Аккуратно ступая по устилавшему пол мусору, все вошли, и неподвижно стоящий мужчина слегка пошевелился и открыл глаза. Давящий, пронзительный взгляд черных, словно угли, зрачков, обежал присутствующих. Мужчина моргнул, приглушая взор, и на его лице появилось какое-то подобие полуулыбки.

– Благодарю за то, что приняли приглашение. Прошу вас. – Скупым жестом хозяин показал на восемь аккуратно расставленных на парте медицинских эмалированных лотков, какие используются в операционных, и поворотом головы указал на мощную железную дверь справа от себя.

Не удивившись, гости стали доставать из карманов мобильные телефоны, ключи и прочие предметы и класть в лотки. Два лотка остались свободными – кто-то пришел пустым.

Когда с этим было покончено, хозяин достал из кармана электронный планшет и протянул его ближайшей к нему женщине. Та увидела на экране свое фото и приложила к нему большой палец правой руки, затем дождалась звукового сигнала и передала планшет следующему.

Пискнув восемь раз, планшет вернулся к хозяину. Тот подошел к закрытой двери, с усилием отодвинул проржавевший засов, и дверь с противным скрипом отворилась. В привыкшие к полумраку глаза ударил свет, сперва показавшийся очень ярким. Седой мужчина, стоявший впереди группы приглашенных, на мгновение зажмурился.

Комната была огромной. Если предыдущая по размерам напоминала душевую, то в этой вполне мог поместиться спортзал. Растрескавшийся бетонный пол и выкрашенные когда-то белой краской стены ассоциировались со складом или ангаром.

Посреди комнаты стояли составленные рядом три стола, судя по внешнему виду, лет тридцать верно служившие где-нибудь в привокзальной столовой, вокруг – девять подобных стульев, тоже не первой молодости. На одном – небрежно брошенная спортивная сумка. И все.

Седой мужчина первым прошел в зал и, нимало не заботясь о своем модельном пальто, уселся на ближайший стул. Остальные, тоже равнодушные к грязной мебели, неторопливо занимали места за столом.

Подождав, пока гости рассядутся, хозяин со скрежетом прикрыл дверь и прошел к свободному месту. Присутствующие невозмутимо глядели на него. Держась руками за спинку стула, мужчина окинул взглядом собравшихся.

Шесть мужчин и две женщины. Женщины и двое мужчин явно европейской наружности, один темнокожий, один китаец и один, по виду индус или малаец.

Еще один мужчина в широком капюшоне, скрывавшем его лицо. Если не считать его и седого «начальника», выглядевшего лет на шестьдесят пять, все возрастом около сорокапятидесяти.

– Еще раз благодарю за то, что приняли мое приглашение, – негромко произнес хозяин. – Прежде всего, я хотел бы знать, насколько велики полномочия присутствующих здесь. Можете ли вы говорить от имени Первых?

Сидящие синхронно наклонили головы.

– Прекрасно. Суть в следующем. Я хочу сделать предложение, которое несомненно вас заинтересует. Но сначала проясню некоторые детали.

Вжикнув молнией, мужчина открыл сумку и достал оттуда нечто, напоминающее кирпич, обтянутый черным ребристым пластиком.

– Это – золото высшей пробы. Этот слиток стоит немногим более пятидесяти пяти тысяч долларов – отдельно произнес он, взвесив «кирпич» в руке. – По понятным причинам, все золото упаковано в прорезиненный пластик. Каждый из вас сейчас получит по слитку. Это аванс, не налагающий никаких обязательств. Если пославшие вас посчитают нужным принять

мое предложение, то через месяц, считая от завтрашнего дня, вам будет передано пятьсот слитков. Каждому. По мировым расценкам, это около...

– Тридцати миллионов – облизнув губы, криво улыбнулся китаец.

– Совершенно верно. Это для начала. – мужчина доставал слитки и передавал их сидящим. Сумку с последним слитком он протянул сидящей рядом женщине. Та удивленно приподняла бровь идеальной формы, и разобравшись, кивнула.

– Итак, если вы примите предложение, в течении десяти дней, считая от завтрашнего дня, посредник должен услышать одно слово: «да». Отсутствие ответа будет расценено как отказ. Тем, кто предложение примет, сразу по получении груза – мужчина указал на слитки, лежавшие перед слушателями, – будет сообщено о следующей встрече. Это понятно?

Сидящие снова кивнули.

– Теперь к делу.

* * *

Подождав, когда последний из посетителей покинет помещение, мужчина некоторое время прислушивался к шуму удаляющихся шагов, затем достал планшет и с размаху бросил на пол. Несколько мощных ударов металлической ножкой стула снизили вероятность восстановления информации до нуля.

Он достал из кармана документы. Щелкнул зажигалкой, подождал, пока паспорт разгорится, аккуратно положил его на пол и сверху домиком пристроил остальное. Огонь медленно обнял пластик удостоверений и постепенно проглотил. Подождав, когда документы догорят полностью, мужчина пошевелил пепел носком ботинка.

Он прошелся по комнате. Ничто не говорило о том, что совсем недавно здесь кто-то был. Лишь на самой грани обоняния слабый аромат женских духов, но, если оставить дверь открытой, застарелые запахи хлорки и сырости убьют его вернее, чем капля никотина – лошадь.

Нет, следов присутствия, если не считать изуродованный планшет на полу, не наблюдалось. Впрочем, какое это имеет значение! Мужчина почувствовал, что он остался один по настоящему – автомобили покинули территорию.

Он выбрался из подвала наружу.

Выйдя из дома, мужчина повернул направо, в сторону, противоположную направлению, откуда приехали гости.

Ночь была очень светлой. К вечеру хмурилось, но сейчас в небе ярко горела луна в обрамлении сияющих звезд. Пройдя наискось через территорию дома отдыха, и миновав остатки забора, мужчина пошел по тропинке, петляющей между деревьями.

Достав из кармана телефон, мужчина, не глядя, несколько раз подряд нажал одну и ту же клавишу. «Все в порядке», – произнес он, дождаввшись вызова и небрежно опустил аппарат в карман.

Он не спеша шел, глубоко вдыхая свежий воздух. Ночь по праву могла называться волшебной. Первое волшебство в этом году. Здесь, вдали от городского транспорта, шума и пыли, весенний лес жил своей жизнью. Стрекот сверчков, свежий аромат трав и ночной ветерок превращали скопление деревьев в невиданное сказочное существо. Впрочем, мужчина не обращал на это внимание. Из всей окружающей его романтики он различал только звук своих шагов.

Тропинка раздваивалась. Налево – к реке, направо – к поселку. Дойдя до развилки, мужчина повернул налево, недовольно поморщившись, когда свисающие ветки, коснувшись шеи, оцарапали кожу.

Через какое-то время он вышел на открытое место. В паре шагов тропинка оканчивалась обрывом, и в нескольких метрах внизу чуть подрагивало темное зеркало реки, рисуя на своей поверхности лунную дорожку.

Мужчина достал телефон из кармана, задумчиво посмотрел на него, затем с хрустом смял аппарат в кулаке. После чего туфлей смел упавшие обломки вниз и посмотрел на часы. Узорчатый круг «Ролекса» подсвечивали фосфорические цифры, но благодаря луне все было прекрасно видно. Одиннадцать пятьдесят две. Почти полночь. Он достал из кармана пистолет. Снял предохранитель и передернул затвор.

Став на краю обрыва, мужчина осмотрелся по сторонам и аккуратно выстрелил себе в голову.

Часть 1

I

Кем-то верно подмечено, когда индивидуум достигает определенной ступени развития, неважно в каком направлении, его имя меняется. Если сейчас ты Вован, значит, раньше был просто Вовкой, а когда выше поднимешься – будешь Владимиром, или скажем, Владим Ивановичем. Только не все поднимаются-то. Чаще получается что на месте остаются, а то и вовсе назад падают. Если кто-то рассказывает, что сам из низов поднялся – плюнуть ему в рожу, чтоб не гнал. Это если по-трезвому. По пьяни-то, кто баек не травит!

Ну, конечно, оно и от человека самого зависит, и от окружения. Вон, например, Борька и Валька Осокины. Оба из хорошей семьи, батя – был главный инженер комбината, мать – там же, в плано-экономическом. Оба институты окончили, обоих на работу устроили. И что? Комбинат потихоньку хиреть начал, заказов нету, производство останавливается, люди стонут. Борька, старший, тот поработал, поработал – а толку-то? Плюнул и рассчитался.

А куда идти-то? В Киев? А кому он там нужен? Год гулял – металл сдавал – воровал на том же комбинате, летом рыбу, что наловит, курортникам-дачникам продавал, зимой – базу охранял, а потом раз – и спился.

Вот и был – Борис Васильевич то, Борис Васильевич се – а теперь? Борька, он и есть Борька. Если б не брат, неизвестно, что с ним было бы...

Валик – он другой. Будто и не родной брат вовсе. Когда комбинат хиреть начал, Валик пошел в Интернет и нашел там, в Интернете, какого-то спонсора-олигарха, и сказал ему, опять же, в Интернете, мол, так и так, комбинату кранты приходят, а ведь какое производство, какие кадры и то и се. И что? Приехал этот еврей, посмотрел. Не он сам, конечно, а есть там специальные замы и менеджеры, и выкупил, к чертям собачьим, весь комбинат. А Валика – в начальство. Первый год, конечно, так-сяк, а потом как пошло-поехало! Машину-иномарку взял, дом родительский отремонтировал, мало того, что новый участок рядом прикупил, так еще и живет вообще не в поселке! И брата непутевого тянет. Был Валик, Валька, а стал – Валентин Васильевич. Вон оно как. Это судьба.

Рок, так сказать.

Толик, пробираясь через кусты, сосредоточенно размышлял над странной эволюцией человеческих имен. Себя, разумеется, он выделял из серой массы своих знакомых. Уже почти пятьдесят лет, а он все Толик. Не Толян и не Толька. Правда, и не Анатолий. Что правда, то правда. Когда надо, Толик умел быть самокритичным. Но Толик – это же все-таки о чем-то говорит?

По образованию Толик – учетчик. «Немного отошел от профессии» – небрежно сообщает он тем, кто интересуется его заслугами – «аспирантура, магистратура, форумы, то, се... уже все забыл». Правда, со временем любопытствующих все меньше и меньше. Почти не осталось друзей, знакомых. Многие поумирали, другие уехали куда-то... В поселке полно новых жителей, приезжают, как будто на дачу – девки, выпивка, музыка... Старых знакомых раз, два... три. И все.

Когда Украина стала незалежной и комбинат в поселке закрыли, Толик остался без работы. Куда идти? Домой? А дома злая жена. Через месяц жизни не стало. Что, Толик не искал работы? Искал, конечно, еще как! А кому он, спрашивается, нужен? Он же человек умственного труда, интеллигенция. Что, разве пойдет такой, как он на стройку к новым русским шабашить? Нет конечно. Во-первых сам не пойдет, потому что не его это, а во-вторых...

Во-вторых, «Нахрена мне такой доходяга?» – спросил тогда еще живого Гришку Болдыря, друга детства, мордатый работодатель о Толике. Ну да, похвастаться силой Ивана Поддубного Толик не мог. Так оно и пошло-поехало. Вниз. По наклонной. А теперь и дома-то нет.

«Потому еще, конечно, Толик, что некому называть-то иначе», – признавался Толик сам себе.

Если б не Константин Михалыч, все могло быть гораздо хуже. Когда это дело после перестройки пошло на нет, дом отдыха тоже потихоньку стал сдавать. Контора, под которой он числился, приказала долго жить – и все. Одно время дом вообще был заброшенный. Потом что-то там ожило, приезжали какие-то на машинах, туда-сюда, заработало. Потом затихло. Потом опять ожило. Потом опять затихло.

Потом посадили какого-то вредного сторожа. Тот не то, что поговорить, так не разрешал даже через территорию пройти – срезать. А там уголок всего – двадцать метров с краю. Если не знать, так не догадаешься никогда. Не пускает, и все тут. Из-за него обходить четыре километра! А дом-то пустой. Не клиентов, ни хозяев! А тот, чуть что, кричит: Стреляю!

Так и обходили. Самое смешное, что и забора-то нету! Так, торчат столбы, словно зубы у рецидивиста...

Толик потер рукой лоб. Ему только сейчас пришло в голову, что стрелять сторожу было нечем.

А, ладно... Все равно пять лет уже прошло.

Потом тот, вредный ушел, рассчитался, или выгнали, потому что гнать таких сволочей поганой метлой подалее нужно, и появился Константин Михалыч.

Человек, порядочный во всех отношениях. Даже голос не повышал ни разу. У Константина Михалыча было два замечательных качества. Во-первых, он умел слушать. Во-вторых, он гнал прекрасный самогон.

Самогон Константин Михалыч не употреблял. Он вообще не пил. Пил иногда Толик. Конечно, исключительно и только лишь в качестве дегустации. Но и Толик не железный. Раньше, чтобы продегустировать напиток, ему хватило бы и рюмки. Сейчас – полстакана, и не ощущает совершенно вкуса! Понятно, возраст берет свое. А самогон, нужно сказать, был отменный, хоть на выставку вези!

Константин Михалыч гнал по двум причинам: для удовольствия и для продажи. Что касается удовольствия, то им руководил научный интерес и правило – сивухи меньше, градус больше. А какие рецепты! И с перцем, и с травами, и со смородиной! Тут пробовать и пробовать. Толик честно пробовал, и давал неоценимые советы – где чего убрать, а где добавить.

Что же касается продажи, то каждую среду и субботу на территории дома отдыха из дыры в заборе появлялся дилер – Бурячиха с тележкой. Она молча клала на подоконник деньги, зажатые скрепкой, оставляла под окном пустые трехлитровки, и, приняв очередную партию ароматного первача, так же молча исчезала.

Банки тут же перемывались Толиком под колонкой. Вроде чистые, но кто знает, что там Бурячиха с ними делала? Деньги пересчитывались Константин Михалычем. Часть пряталась в карман, часть отдавалась Толику. Тот брал старый рюкзак и вечером шел в поселок за сахаром и за спичками. Десять килограммов сахара и десять упаковок – сто коробков спичек.

Да-да! Константин Михалыч занимался тем, что в свободное от ликеро-водочного производства время делал из спичек домики. И какие домики! По вечерам, когда слушали бормотание телевизора – два канала, больше не ловило – антенна упала, и чтобы ее починить, нужно было лезть на крышу. Константин Михалыч на телевизор внимания не обращал, включив настольную лампу и взяв в руки скальпель, он целиком погружался в работу.

Толик ставил перед собой три или два (в зависимости от того, сколько сортов благородного напитка было в производстве) наполненных больше чем наполовину стакана (дегустиация все-таки), закуску, и одним глазом поглядывал на телевизор, а другим – как Константин Михалыч работает.

Константин Михалыч работал и слушал, Толик дегустировал, закусывал и комментировал – красота!

За четыре года этого симбиоза деревянные сувениры постепенно заняли всю стену второй комнаты. Из центрального корпуса Толик притащил несколько шкафов без дверей, составил их рядом, и на полках потихоньку разросся миниатюрный городок.

Если вы думаете, что деревянный домик сделать несложно, то глубоко ошибаетесь! Толик много раз пытался, и ничего не получалось. Вместо домика получался элемент декорации к панно о Великой Отечественной из серии «враги сожгли родную хату», вместо избушки вышло какое-то корявое логово, и он забросил этот неблагодарный труд.

Неделю назад они с Константином Михалычем задумали небывалое. В прошлый понедельник приезжал какой-то его знакомый из города, туда-сюда, разговорились, выпили то, се. Константин Михалыч возьми и похвастайся коллекцией. Показал. Знакомый восхитился и сказал, что поговорит с другим знакомым и тот организует выставку. Типа, народное творчество. Уехал.

Толик все хотел спросить, сколько же Константин Михалычу заплатят, но постеснялся. Хотя зачем Константин Михалычу деньги? Он и так почти олигарх! Пенсия, чуть ли не полторы тысячи – раз! За дежурство – почти шестьсот в месяц – два! Еще и самогон! Одна партия – около столыника, именно столько Бурячиха отдавала. Два раза в неделю, это двести, итого в месяц – восемьсот. Правда, минус сахар и спички, то, се, где-то четыреста оставалось. В общем, валовый доход – под три тысячи. Для Толика, пенсии не имевшего, и жившего за счет трех составляющих – Константин Михалыча, подножного корма и случайных заработков, эти цифры казались баснословными. Разумеется, он знал, что где-то ТАМ живут олигархи, имеющие миллиарды, яхты, самолеты и все прочее, но всерьез никогда об этом не думал. Миллиарды, надо же! Интересно, сколько надо времени, чтобы проесть хотя бы миллион? Если есть нормальную, человеческую еду, не устрицы какие-нибудь и оливки, а что-то простое – вермишель, колбасу, сало, яйца – то, что едят все нормальные люди, а не зажавшиеся буржуи.

Так вот, неделю назад Константин Михалыч решил сделать особенный домик, и никак не мог определиться с внешним видом. Думал, думал, а Толик ему и говорит:

– Зачем, мол, вам, Константин Михалыч, так все усложнять? У вас и так разных домиков валом. Вы лучше церковь сделайте.

Константин Михалыч сначала засомневался, а Толик ему дальше:

– Вы что же, все коллекцию в город повезете? Так что с ней будет, а? Она ж не доедет. Надо сделать такой специальный ящичек, застеклить его, и туда поставить лучшие поделки!

– Тогда может, сделать такой себе городок? И церквушка кстати придется!

– А чего ж! Улицы сделаем, деревья, то, се! Красота будет! – воодушевился Толик. – Ящик только надо побольше.

– Э нет, Толик! Ящик тут как раз и не нужен. – Константин Михайлович задумчиво потер подбородок. – Открытое должно быть. Нам бы где-то полено какое найти – распилим вдоль, вот тебе и улица, и площадь.

– Где-то! У нас же лес кругом! Не город, страну можно выстроить!

– А это идея! Молодец. – Константин Михалыч похлопал Толика по плечу – Найдешь?

– Найду! – уверенно ответил Толик.

В тот же день Толик нашел подходящий вариант. Внизу, недалеко от обрыва, склонившись над рекой, там, где она делала поворот, росло большое дерево. Может дуб, может ясень, черт его знает! Росло сначала прямо, а потом, на высоте груди, ствол искривился, ушел в сторону и лохматым шлагбаумом повис над речкой. Толику пришлось в голову, если обрезать ствол на двадцать сантиметров ниже изгиба, и на восемьдесят сантиметров после, получится такая себе буква «Г» с короткой ножкой и длинной перекладной. Он пропилил верхнюю часть ствола вдоль, и получится прекрасная подставка на ножке. Сначала конечно, Толик хотел сделать подставку высотой в полметра, и платформу метра полтора – вот было бы дело! Но поду-

мав, он сообразил, что такой пень он в жизни не дотянет до места назначения, даже если помогать ему будут Константин Михалыч, Бурячиха и оба брата Осокины.

В общем, Толик взял ножовку, и через три часа превратил старое дерево в новенькую музейную подставку. Дубоясень, конечно, было жалко, и Толик сперва засомневался. Но потом увидел, что дерево подсыхает. Немного конечно, процентов на пять. Но ведь дальше будет хуже! Зачем же дереву мучиться, живое все-таки! Опять же, вдруг кто плыть на лодке будет или купаться, а оно на голову рухнет!

Найдя таким образом, оправдание, он взялся за пилу. Пилил долго, ствол-то сантиметров пятьдесят в поперечнике! Потом плюнул, взялся за топор, и через полчаса, увлекаемое своей тяжестью, дерево рухнуло в реку.

Дальше дело пошло легче. Обрезал, обточил, ошкурил – стало вроде ничего. Теперь рашпилем, наждачком, лаком, то, се – очень даже неплохо может получиться!

Как он тащил пень наверх – это отдельная история. Толик проклял пень, выставку, знакомого, знакомого того знакомого и каждый домик по отдельности. Но ничего, дотащил, дотянул, и даже относительно не повредил.

Когда Константин Михалыч увидел пень, он несказанно обрадовался.

– Ну молодец, ну умелец! Спасибо, Анатолий!

Толик почувствовал себя центром мира. Было так хорошо, что даже неловко. Мало того, что интеллигент, который по определению не должен уметь плотничать, сделал Вещь с большой буквы, так еще – что самое главное – Анатолий! Это ли не шаг вперед! Потрясения, однако, на этом не закончились. Константин Михалыч полез в карман и дал Толику, впрочем, нет, Анатолию! пятьдесят гривен. Потом подумал, и выдал еще пятьдесят.

Всю неделю до вчерашнего вечера они шкурили, лакировали, расставляли, клеили. Получилось очень неплохо. Толик, чувствуя себя в ударе, предложил еще вырезать на платформе название композиции, дату, имя и фамилию автора, в глубине души надеясь, что Константин Михалыч предложит добавить имя ассистента. Константин Михалыч идею одобрил, про ассистента, правда, ничего не сказал. Потом, подумав, решили, что вырезать красиво не получится. Толик, вспомнив школьные годы, придумал нанести надпись выжигателем по дереву. Константин Михалыч сказал, что вряд ли в поселке у кого-то можно найти выжигатель, а вот паяльник вполне. И если Толик напишет красивым почерком, то можно будет выжечь эту надпись, как по шаблону. На том и порешили.

Пятьдесят гривен, полученные от компаньона жгли карман. Пятьдесят, потому что остальные пятьдесят Толик предусмотрительно спрятал в кадке с искусственной пальмой, стоящей в вестибюле дома отдыха, так как в столицу ехать с пустыми руками – признак дурного тона. Поэтому, когда выпросив на два дня паяльник у участкового (конечно, для Константин Михалыча, которого тот уважал), и возвращаясь обратно, Толик увидел тележку с разложенными жвачками, сигаретами и прочей мелочью, ноги сами изменили направление. Подойдя к тележке, Толик внимательно рассмотрел ассортимент, и не глядя на Бурячиху, сидящую под зонтиком на раскладной скамеечке, важно спросил:

– Почем выпить?

Бурячиха закряхтела, поерзала, и покрутив зонтик нехотя ответила:

– Пять вублей.

– Дороговато, однако, что-то, – сказал Толик, чувствуя себя олигархом, выбирающим очередной «Бентли».

– Дома дешеуве, – ответствовала Бурячиха, и стала обмахивать себя газетой.

– Ладно, давай пока две – скомандовал Толик, и не дожидаясь, пока Бурячиха спросит, есть ли у него деньги, полез в карман и небрежно достал купюру.

Бурячиха широко раскрыла глаза, но от расспросов удержалась. Она сунула руки в стоявшую под ногами сумку и чем-то зазвенела. Потом достала полный пластиковый стаканчик и вручила Толику.

Короче говоря, часа через два, а может, и гораздо позже, Толик отправился обратно. Быстро темнело. От поселка до дома отдыха по дороге скорым шагом идти было минут сорок. Если срезать через лес – вдвое быстрее. Решив сэкономить время, Толик свернул в лес. В наступающей темноте было ни черта, собственно говоря, не видно, но продукт Константин Михалыча, за который было заплачено кровными из своего кармана, не способствовал логическому мышлению.

Нетвердо ступая по тропинке, Толик сосредоточенно размышлял о том, почему у Бурячихи такое прозвище. Потому что у нее красное лицо? Или потому что она сама похожа на свеклу? Или у нее фамилия такая? А может потому, что торгует самогонкой? Задумавшись, Толик пропустил момент, когда нужно сворачивать, и прошел мимо. Через несколько сот метров, выйдя к обрыву над рекой, он понял свою ошибку, но не желая возвращаться обратно, полез через кусты.

Подходя к территории дома отдыха, Толик услышал приглушенный шум двигателей. Первым порывом было броситься вперед, так как в голову пришло, что это приехал тот знакомый за домиками на выставку. Потом поразмыслив, он пришел к выводу, что несолидно вот так бегать через кусты, словно пацан, что подумают люди!

Тогда Толик решил обойти вдоль зарослей, не теряя дом из виду, выйти на дорогу, и оттуда не спеша подойти к дому.

Подойдя к кустам и держа рот широко открытым, чтобы избавиться от запаха перегара, он осторожно выглянул и увидел перед домом десяток иномарок и группу людей, гуськом, точно пингвины на прогулке, входящую внутрь.

Толик решил, что это приехали хозяева, так как Константин Михалыч проживал в сторожке, а выставка домиков располагалась в подсобке. Но если это хозяева, то почему их Константин Михалыч не встречает? Или он уже внутри?

Что-то было не так. Присмотревшись, Толик понял, что его беспокоило.

Свет.

Горела одна лампочка над центральным входом и все. Даже когда никого нет, Константин Михалыч зажигает не менее трех-четырёх лампочек на территории, да еще одну над сторожкой и одну над входом. А тут всего одна.

На всякий случай Толик присел на корточки и стал ждать.

Менее чем через полчаса люди вышли, расселись по машинам, каждый в свою, и уехали.

В качестве перестраховки, Толик собрался было обойти территорию лесом, и выйти с другой стороны.

Но прошло несколько минут, и из дома вышел еще один мужчина. Постоял, осмотрелся по сторонам и не спеша, прогулочным шагом двинулся по дорожке в сторону леса. Вышел на тропинку, достал телефон и кому-то позвонил.

Толик на расстоянии следовал за ним. Мужчина вышел к обрыву и став почти на самом краю, что-то бросил на землю. Хвоста за собой он, по всей видимости, не заметил. Толик из-за дерева внимательно наблюдал. Посмотрев на часы, мужчина достал пистолет. На фоне лунного света это было очень хорошо видно.

Трезвея, Толик почувствовал, как у него немеют ноги. Сейчас неизвестный повернется и вцепит ему пулю между глаз. Толик хотел уже просить пощады, как неожиданно мужчина выстрелил себе в голову. Ноги стрелявшего подогнулись и тело мешком упало с обрыва в реку. Раздался негромкий всплеск.

Не разбирая дороги, Толик побежал. Отбежав на достаточное, как ему казалось, расстояние, он остановился, уперев руки в колени, чтобы отдышаться. Тошнота подкатывала к горлу. Толик представил, что мог сам сейчас плыть по реке с дыркой в голове, и его вырвало.

...Рассвет Толик встретил, согнувшись калачиком под кустом. Проснулся он от боли в боку. Зевнул, и некоторое время не мог понять, как здесь оказался, потом пощупал рукой больное место. Рука наткнулась на что-то длинное и острое. Вытащив из кармана паяльник, Толик сразу все вспомнил. С кряхтением поднялся, отряхивая прилипшую траву и листья, осмотрелся. Сейчас по его расчетам, должно быть часов шесть-семь. Куда идти, что делать? Как ни странно, голова не болела, наверное, сказывались длительные тренировки. Сейчас, при свете дня, вчерашнее происшествие не казалось таким страшным. Да и вообще, может быть, ему показалось? Выпито самогона почти на сорок гривен, и не такое можно увидеть! Сорок гривен, когда можно взять даром! Сказано, шальные деньги...

Что-то бормоча про себя, Толик пошел к месту вчерашнего, вернее, сегодняшнего происшествия. Сейчас он глянет трезвым взглядом, убедится, что ему показалось, а потом пойдет домой и посоветуется с Константин Михальчем. Потом они позавтракают, и будут ждать знакомого. Потом поедут в Киев. Воображение уже рисовало Толику картину, как они с Константин Михальчем покорят сначала эту выставку, потом следующую. Остальное будущее терялось в тумане, так как он и сам четко не представлял, что будет дальше.

Выйдя к обрыву, на то самое место, Толик огляделся. Ничего и никого подозрительного. Неужели и впрямь показалось? А как же люди, машины? Тоже? Он двинулся по тропинке вдоль края обрыва, поглядывая вниз. Слева медленно текла река, справа шумел лес. Тропинка постепенно отходила от края обрыва в сторону леса, обрыв постепенно сходил на нет. Все тихо и спокойно, как и всегда. Извилистая дорожка петляла сквозь заросли и приводила к повороту реки. Туда, где не далее, как два дня назад над рекой нависало злосчастное дерево, которому с легкой руки Толика было суждено быть вознесенным на алтарь искусства.

Еще издали Толик увидел в воде нечто грязно-серое и понял, что увиденное ночью не было результатом употребления нелегальной продукции.

Срубленное им дерево упало в воду, и осталось лежать, загородив чуть ли не треть реки. Судя по всему, тело принесло течением, и зацепившись за ветки, оно прочно стало на якорь.

Скрываясь за кустами, Толик осторожно подошел. Труп лениво покачивался на воде метрах в двух от берега. Лицо было скрыто под водой и дыры от пули видно не было. Застрявшая в ветвях рука наоборот, была приподнята, словно погибший напоследок решал голосованием, жить ему или умереть. Из-под намоченного рукава пиджака что-то блеснуло. Толик вгляделся.

Часы, и судя по браслету, явно не из дешевых.

Если так рассуждать, человек сам застрелился, по своей воле, свел, так сказать, счеты с жизнью. Может, болел, может, обстоятельства так сложились, да мало ли как бывает! А значит, ему так все опротивело, что он двойное самоубийство совершил. Застрелился, а потом для верности утопился. Хотя, если учесть высоту обрыва – самоубийство вообще тройное получается! Значит, в этой жизни ему уже ничего не нужно было. А сейчас – тем более. Человек знал, на что шел. Значит, все сознательно и по доброй воле. В здравом, как говорится уме и трезвой памяти!

Придя к этому заключению, Толик стал разуваться. Скинув спортивные штаны и оставшись в латаных семейных трусах, он осторожно вошел в воду. Холодно! Покрывшись гусиной кожей и сделав пару шагов он, поеживаясь, осмотрелся. Вокруг ни души. Впрочем, люди здесь встречались только во времена полноценной работы дома отдыха, так как пляж был на три километра ниже по течению.

Возле места, где дерево невольно задержало тело, мешая ему плыть дальше, было неглубоко, вода едва доходила Толику до середины бедер, и мимоходом тот подумал, что трусы останутся сухими. Учитывая утренний холод, здоровье и возраст Толика, момент немаловажный.

Подойдя почти вплотную, он осторожно подергал мужчину за рукав. Никакой реакции. Осторожно, боясь, чтобы тело не перевернулось, Толик стал расстегивать браслет. Когда часы оказались в его руке, он аккуратно сунул их в карман рубашки и запустил руки в карманы пиджака погибшего. Ничего.

Толик вздохнул, еще раз осмотрелся и изогнувшись, так, что подбородок коснулся воды, запустил руки во внутренние карманы пиджака. Проще было просто перевернуть тело, но он боялся увидеть лицо покойника.

Руки что-то нащупали, и после недолгой возни Толик достал намокший бумажник. Все. Больше брать было нечего. Он выбрался на берег. В голове вертелась где-то давным-давно прочитанное слово «вакеры». Гоня прочь эти неуместные мысли, Толик уселся на обрубок ствола спиной к реке и наскоро вытершись штанами, стал рассматривать трофеи.

Часы очень даже ничего. Такие стоят гривен четыреста, если не все шестьсот. Вон, в воде сколько пробыли, а даже не испортились. Он аккуратно отложил их в сторону.

Часы стоили немногим более полутора тысяч долларов, но Толик этого, естественно, не знал. Иначе просто побоялся бы взять их.

Осмотр бумажника Толика обрадовал еще больше. Две тысячи четыреста тридцать две гривни, причем в основном крупными купюрами. И восемьсот двадцать долларов. Их он узнал сразу, хотя в руках держать не приходилось. Так, что еще? Какие-то карточки, четыре штуки, разноцветные, с надписями. Как их... Кредитки. Их Толик и рассматривать не стал. Хотя благодаря телевизору и журналам знал, что ими можно расплачиваться в ресторанах и супермаркетах. Но решил от греха подальше, не трогать. А бумажник-то ничего. Высохнет, сложить туда деньги (не забыть еще спрятанный в доме полтинник) и будет очень неплохо.

Он представил, как он нехотя открывает при Бурячихе бумажник, и приценивается к ее нехитрой продукции, потом небрежно поглядывает на часы, говорит: «Мне некогда. Пойду, пожалуй» и не спеша уходит. То-то она обалдеет! Да, за эти деньги можно купить Бурячиху со всеми ее потрохами, со столиком, тележкой и скамейкой! Толик аккуратно сложил деньги в бумажник, засунул его в карман штанов, часы – в другой карман, поднялся и зашагал в сторону леса.

Пройдя шагов десять, он оглянулся на карточки, сиротливо лежавшие на стволе. Они были такие красивые, цветные! Как ножом по сердцу! А если пойдет дождь? Намокнут, испортятся, то, се. Нет, это выше его сил! Толик вернулся, сгреб карточки и рысцой побежал к лесу.

* * *

– Так кто обнаружил тело? – шурясь на солнце, следовательно Сушко положил под язык таблетку валидола.

– Местный один, алкоголик. Зайцев фамилия. – Участковый Симко вытер вспотевший лоб. – Прибежал около девяти, так мол, и так. Я на место вышел, осмотрел, потом вам позвонил... Ничего не трогал, естественно, – поспешно добавил он, увидев, как Сушко открыл рот, собираясь что-то спросить.

– Ну ладно, поехали. Показывайте. – Сушко сел на заднее сиденье. Симко плюхнулся впереди.

Микроавтобус «Mitsubishi» с членами оперативно-розыскной группы мягко тронулся с места.

– Как вам тут живется, в провинции? – Сушко наклонился вперед.

– Да как, потихоньку – охотно повернулся Симко, – если б еще зарплату выше, совсем песня была бы!

Симко чувствовал себя не в своей тарелке. Сегодня утром к нему прибежал Толик Зайцев и выпучив глаза, постоянно сбиваясь и отвлекаясь, рассказал, как утром он нашел Константин Михалыча с перерезанным горлом у себя в сторожке.

Естественно, Симко сначала не поверил.

– А ну, дыхни!

Толик послушно дыхнул. Если перегар и был, то слабый. В принципе, Толик сочинять мастер, но такое!

– Семен Витальевич, как на духу! Я ниче не трогал, как увидел, сразу до вас!

– Ладно, подожди за двором. Я сейчас.

Симко вздохнул. Этого еще не хватало! Тут бы спокойно до пенсии досидеть, без эксцессов. А теперь начнется! Сверху начальство давить будет, снизу – местный актив, бабы с поселка. Сверху пресс, снизу шум. Между двух огней. Еще и в субботу! Планы поработать в огороде, потом отдохнуть, а вечером сходить в гости к куму, стали умирать, так и не родившись.

Симко быстро собрался, пристегнул кобуру с пистолетом, положил в нагрудный карман футляр с очками. Покрутился на месте, сунул в карман блокнот с ручкой, проверил, хватает ли зарядки на мобильнике, и помедлив, прихватил дочкин цифровик. На всякий случай.

– Ира, я пошел! – крикнул он в окно.

– Иди – отозвалась жена. В ее тоне явно слышалось направление, куда именно Симко следует пойти.

Сначала Семен Витальевич хотел взять служебный мотоцикл, но потом передумал. Во-первых, бензин. Случай хоть и из ряда вон, конечно, но толку, что он придет раньше! Все равно звонить в район придется. Во-вторых, ему не хотелось ехать с Толиком вместе, чтобы тот ехал сзади и держался за него.

Не велика важность, и пешком дойдет! Опять же, почти лето! Разумеется, о том, чтобы ехать на своем жигуле, вообще речи не было.

Переступая через копошащихся под ногами кур, Симко вышел на улицу к ожидавшему его Толику, и аккуратно закрыл калитку.

– Пошли.

– Так ты точно ничего не перепутал? – в который раз недовольно переспросил он Толика.

– Да честное слово! – прижал тот ко впалой груди руки.

Симко замолчал.

Они вышли за поселок и пошли по тропинке в сторону леса. Когда последние дома скрылись за деревьями, Симко прорвало.

– Вот, твою мать! Из-за какого придурка теперь геморрой имеем! Статистика к черту, еще и убийца теперь где-то по округе шарится! А все ты! – выговаривал он ни в чем ни повинному Толику.

Тот виновато молчал. Он не совсем понимал, в чем его вина, но чувствовал, что упрек справедливый. Может, надо было про того мужика рассказать? Но тогда деньги отберут и часы! Нет, это тут не причем. Не причем, конечно, но есть два трупа в один день, вернее, в одну ночь!

Час назад, покончив с инвентаризацией имущества неизвестного, первым делом Толик пошел в вестибюль за заначкой. Ключи от входной двери, заблаговременно позаимствованные у Константин Михалыча, лежали под третьей балкой перил. Однако дверь была приоткрыта. Не придав этому особого значения, Толик вошел.

Пятьдесят гривен лежали там, где он их спрятал. Положив купюру к остальным, Толик полюбозавился бумажником, погладил его напоследок, и спрятав, отправился искать Константин Михалыча. Сначала он узнает, кто были эти люди, а потом, в зависимости, от ситуации, или расскажет про ночного самоубийцу (не все, конечно) или промолчит.

Зайдя в сторожку, Толик осмотрелся. Все в порядке, все как обычно. Он позвал Константин Михалыча по имени-отчеству. Тишина. Толик уже было хотел идти искать на территории,

заодно глянуть в гараж – там ли велосипед – может, Константин Михалыч поехал на почту? Но потом коснулся паяльника, вспомнил о выставке и пошел в подсобку – на домики глянуть, и на пенек, который с таким трудом добыл. Зайдя в подсобку и включив свет, Толик увидел Константин Михалыча, стоящего на коленях и положившего голову на пенек, точно на плаху. На вскрытом лаком ландшафте для будущих экспонатов алело озеро.

Озеро крови. На полу валялся выпавший из безжизненно повисшей, усеянной крапинками руки окровавленный скальпель, главный инструмент, которым Константин Михалыч создавал деревянный городок.

Это было так страшно, что Толик опрометью выскочил на улицу, и побежал к поселку.

Подходя к сторожке, Толик понемногу стал сбавлять шаг, и оказался за спиной у Симко. Слишком много событий за последнюю неделю. Но, может быть, он что-то перепутал? А вдруг Константин Михалыч был еще жив? Может, надо было «скорую» вызвать? А он не разобрал сразу, что теперь будет? О том, как бы он вызывал «скорую» из сторожки, Толик не подумал. Ближайший работающий телефон находился в поселке, а мобильного у Константин Михалыча не было.

Симко зашел в подсобку.

– Ну и дела... – почесал он подбородок. – Свет так и горел?

– Да я... забыл выключить.

– Я говорю, так и горел? Когда ты пришел? – Симко надел очки и подошел поближе.

– Что? А, нет, было темно. Это я включил. – Толик, вытянув шею, с любопытством смотрел за действиями участкового. Тот осторожно пощупал пульс Константин Михалычу.

– Мертвее не бывает... Жалко старика, хороший дядька был. – Семен Витальевич снял с головы панаму.

– Кто ж его так, Семен Витальевич? – дрожащим голосом спросил Толик.

– Разберемся – ответил Симко, разглядывая расставленные на полках домики. – Надо же, тут прямо музей!

– Вот же и паяльник с собой! Готовились, на выставку готовились, со... би... рались... – Толик завыл.

– А ну тихо! – велел участковый, выключая свет. – Будешь охранять тут все, ясно? А я пошел звонить в район. Ничего не трогать! И чтобы я тут никого не видел посторонних! Ясно?

Толик закивал.

По дороге в поселок, Симко по мобильнику позвонил в район. Там его выслушали, и сказали, чтобы ждал опергруппу.

Следственно-оперативная группа в составе четырех человек прибыла через два часа. Старшему, капитану Сушко, Семен Витальевич кратко обрисовал ситуацию.

– А этот сторож, как его, Михеев, он что, вообще ни с кем не общался? Кроме... Зайцева?

– Да в общем-то ни с кем. Два-три раза в месяц появлялся в поселке – то пенсию получить, то позвонить – так, по мелочам. А Зайцев у него на подхвате – то за продуктами, то за спичками... В смысле, Михеев там занимался, из спичек домики клеил, такие, декоративные. Хобби у него такое... было. А Зайцева он подкармливал, тот помогал по хозяйству, ну и вообще. – Симко покрутил рукой.

– Он что, бомж? Ну, Зайцев этот? – вступил в разговор сидящий рядом с Сушко младший лейтенант Колесниченко, молоденький парнишка. На следующей неделе исполнялось три месяца, как он работал в милиции.

– Почему бомж? У него жена есть. Была вернее, а как он пить начал, его выгнала, продала дом и уехала в Макаровку. Деревня, километров тридцать отсюда. К матери, что ли...

– Молодец, жена, оперативно сработала – подал голос эксперт Машук с соседнего сиденья.

– Посторонние часто бывают? – не обращая внимания на слова Машука, спросил Сушко.

– Да часто. В поселке. У нас же тут теперь дачный массив. Всякие есть. А за дом отдыха не знаю. Года три как там не был. Вот когда Михалыч пришел сторожем, я приходил, знакомился. А так – нет. Да и территория не моя.

– А чья? – спросил Колесниченко, записывая в блокнот.

Симко с неудовольствием покосился на него.

– Не знаю. Может, ведомственной охраны. Тут километра три-четыре напрямик, уже за территорией поселка.

– А вы что, тут совсем один? – спросил Сушко, доставая маленькую бутылочку с минералкой.

– Чего один? Жена, дочка, – не понял участковый.

– Да нет, я про работу. Ну, в смысле, вы один на весь поселок?

– А-а-а. Нет, еще помощник есть, хлопец молодой. Но он сейчас уехал, ему там надо...

По семейным обстоятельствам.

– А чей это дом? – Колесниченко записывал. Машину трясло на ухабах, и ручка то и дело соскакивала. – Куда едем, имею ввиду!

– Да обувного объединения, районного. Так оно ж вроде лет как двадцать не работает, дом вообще бросили. – Участковый поудобнее устроился на сиденье.

– Как же бросили, если сторож есть? Был, вернее, – Сушко расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке.

– Ну не знаю. – Семен Витальевич ухватился рукой за поручень над дверцей. – Вон, возле того дерева – налево. Тут объезжать надо. А мы обычно коротким путем ходим.

Водитель кивнул.

– А я думал, это дом отдыха от вашего этого комбината – сказал Машук.

– Нет-нет, комбинат тару выпускает. Вообще не знаю, есть у них какие базы отдыха, или нет, он же теперь частный.

Микроавтобус въехал в распахнутые ворота, которые менее суток назад пропустили автомобили ночных гостей.

Через три минуты езды по лесу, «Mitsubishi» въехал на территорию, и не доезжая до дома отдыха, свернул к сторожке, возле которой стоял Толик, подпрыгивая от нетерпения.

Милиционеры вышли наружу.

– А воздух какой! – вдохнул полной грудью Сушко. – Эх, пожить бы вот так с пару лет, все болячки вылечишь.

– На пенсии вылечишь, – отозвался Машук, делая шаг к сторожке.

– До пенсии еще доработать надо – вздохнул Симко, – и желательно спокойно.

– Вот именно, – Сушко подошел к Толику. – Вы Зайцев? – спросил он строго.

– Так точно! – отрапортовал Толик, вытянув руки по швам.

– Вы первый обнаружили тело? – Сушко вошел в дом.

– Я, я! Но я ничего не трогал, я сразу к Семен Витальичу, сообщить! – торопливо заговорил Толик, поспешая за следователем. Остальные шли следом.

Зайдя в комнату, где было совершено преступление, Сушко поднял палец. Толик замолчал.

– Выключатель справа, – тихонько сказал Семен Витальевич.

Сушко кивнул.

Машук протянул руку и включил свет. Колесниченко побледнел.

Сушко подошел поближе.

– Ничего себе, – присвистнул он, и присел на корточки. – Неплохо.

– Ладно, я начинаю – Машук поставил на пол потрепанный дипломат.

– Пойдем – махнул головой Сушко.

Все, кроме Машука вышли.

– Ну, пан Зайцев, рассказывайте, как все было, – повернулся Сушко к Толику. Симко уселся на неубранный диван.

Толик переступил с ноги на ногу, и принялся повторять свой рассказ. Колесниченко записывал. Сушко неторопливо прохаживался по комнате.

– А потом я выглянул из-за деревьев – смотрю, дверь открыта... Ну, я и...

– Во сколько это было? – прервал Толика следователь.

– Не знаю – почесал затылок Толик.

– Если ты сразу прибежал ко мне, и нигде не задерживался, значит в начале девятого – подал голос участковый.

– Во сколько обычно Михеев спать ложился? – задал вопрос Сушко. Вопрос, по всей видимости, предназначался Толику, однако тот тупо смотрел на участкового.

– Во сколько Михалыч спать ложился? – повысил голос Симко.

– А? Да когда как... Ну, «Последние известия» пройдут, мы еще посидим, чаю поьем, то, се... Ну, я пью, а он домики... делал... – Толик вздохнул.

– А в эту ночь? – не меняя тона, задал вопрос Сушко – Во сколько?

– Так я ж говорю, не было меня. Я сначала за паяльником до Семен Витальича ходил...

Сушко посмотрел на участкового.

– Было дело. Вчера. – Кивнул тот.

– Потом у Бурячихи выпил... брал... ну, в общем... это... – замялся Толик.

Сушко вопросительно глянул на Симко.

– Одна торговка местная. Самогонного масштаба, – нехотя произнес Семен Витальевич.

– И сколько же вы взяли? – Подал голос Колесниченко, отрываясь от записей.

– Ну, сколько, сколько... – Толик задумался. – Семь рублей осталось... Две конфетки за три рубля, значит сорок, а сорок на пять – восемь, или девять?

– Восемь или девять чего? – спросил водитель, который стоял в дверях и внимательно слушал.

– Как чего? – удивился Толик – Рюмок. Ну, в смысле, стаканчиков. Таких, знаете... – он показал, каких.

– Где-то граммов сто пятьдесят. Допустим, она не доливает, – подняв глаза к потолку, задумался Сушко. – Допустим, значит, около ста... Это что, ж, значит, ты выпил восемьсот грамм самогона, и заел его двумя конфетками? Не слишком ли круто, а, Зайцев?

– Да гонит он, Сергей Васильевич, сто процентов! – громким шепотом обратился к следователю Колесниченко.

– Погоди, Паша – Сушко успокаивающе поднял руку.

– Так как же, Зайцев? Учитывая ваше телосложение и гм, положение, вы от половины выпитого должны были упасть и не просыпаться еще часа, как минимум два, – начал сгущать краски следователь. – А тут – в два раза больше! Странно как-то, вам не кажется?

Толик затравленно молчал.

– А откуда, кстати, у тебя деньги? – подал голос с дивана Симко. – Пенсию получил?

– Так Константин же Михалыч дал, – вытаращив глаза, сказал Толик.

– Дал или ты сам взял? – перехватил инициативу Сушко.

– Да дал, же дал – убедительно ответил Толик. – За пенек. И, увидев вопросительный взгляд следователя, уточнил:

– Вот тот пенек, на котором его... в общем, я его сам вырубил, притащил, и шлифовал... и лаком тоже я... – и осекшись, замолчал.

– Кого вырубил? – не понял водитель.

Толик пальцем показал на подсобку.

– Вырубил? – зловеще спросил Симко с дивана. – Без разрешения, без согласования с лесничеством?

– Так он уже, засохло, то есть, дерево совсем, я его только обрубил! – завопил Толик, перед которым тут же развернулась перспектива возможных последствий.

– Тихо! – повысил голос Сушко. – Что еще за пенек?

– Пенек для выставки вот тех домиков маленьких, со спичек сделанных! – нервно ответил Толик. – Нужно было на чем-то их расставлять, вот Константин Михалыч и сказал мне... Я тут причем?

Честно говоря, Сушко не обратил внимания на спичечные домики, поэтому он повернулся к двери, намереваясь заглянуть в каморку.

Навстречу ему вышел Машук.

– Сейчас одно скажу: девяносто девять процентов, что это не несчастный случай. – Машук посмотрел следователю в глаза. – Горло перерезано. Конечно, заключение покажет, но... да вон, сам посмотри. Он отодвинулся, пропуская Сушко.

– Да, не повезло дедуле... – Сушко уставился на домики.

– Эй! – крикнул он в комнату. – А что-нибудь пропало?

Участковый и Колесниченко посмотрели на Толика. Тот развел руками.

– А сколько он тебе дал денег? За вырубку пенька? – спросил Симко Толика.

– Так пятьдесят же и дал. Еще обещал столько же, если я надпись паяльником сделаю.

– Ты что, совсем?.. Паяльник и не предназначен для такого!.. Кстати, где он? – Симко пощелкал пальцами.

– Вот. – Толик бросился к подоконнику, на котором лежал сверток. – Спасибо.

– Пожалуйста – буркнул Симко, проверяя, все ли с паяльником в порядке.

– Да я даже и не включал совсем... Не успел. – горько сказал Толик.

Тем временем Сушко осматривал каморку.

– Тебя ничего не удивляет? – спросил он Машука, собирающего дипломат.

– Что именно?

– Да что-нибудь.

– Конкретнее скажи. Меня так много всего удивляет, что я уже перестал удивляться. – Машук подошел к Сушко.

– Конкретнее. Это может быть наш алкоголик? Он говорит, что...

– Я слышал, что он говорит. – Машук посмотрел в приоткрытую дверь. – Черт его знает... Вродедохлый, но рассказывает же, что пень тащил. А он весит, посмотри... ну за полсотню точно...

– Это ничего не доказывает. Тащить можно двадцать минут, а можно два дня. Сила тут не причем.

– Возможно. – Машук закурил.

– Я просто вот смотрю. Если исключить ограбление...

– Да кому он нужен, этот дед! Самого ценного тут и было-то... – Машук махнул рукой в сторону полка.

– Это тебе не нужен – Сушко повертел в руках домик и аккуратно поставил его на место. – А для него дедова пенсия, может, предел мечтаний.

– Не факт, что это он. – Машук стряхнул пепел на салфетку. – Мне, по крайней мере, так не кажется.

– Я так мыслю, что деда сюда притащили, и тут прирезали – Сушко задумчиво похрустел пальцами.

– Ну-ка, обоснуй – заинтересовался Машук.

– Ты-то, может, и не обратил внимания, но там – диван расстеленный. Значит, спал дедуля. Кто-то постучал, ему он открыл. Судя по всему, сам. Я смотрел, замки вроде целые.

– Но зарезали-то его здесь, – заметил Машук. – Во-первых, крови ведро, а во-вторых... – он показал сигаретой на валявшийся скальпель.

– Вот именно! – оживился Сушко. – Я тоже думаю, что скальпель жил здесь. – Он заглянул в комнату.

– Где Михеев хранил скальпель? – спросил он, обежав глазами присутствующих.

Участковый пожал плечами, а Толик показал на каморку.

– Там, в ящичке с инструментами.

Сушко повернулся к Машуку. Тот не спеша подошел к потрепанному столу, на котором стояла настольная лампа, были расставлены тюбики с клеем, лаком, лежала лупа с ручкой и рассыпано множество спичек. То, что Зайцев назвал ящичком с инструментами, оказалось проржавевшей банкой из-под чая «Green Dragon», в которой лежали кисти, линейка, карандаши и прочая мелочь.

Сушко прикрыл дверь.

– Потом они проходят в эту комнату, и тот (ну или те) хватают деда и – чик! – он провел пальцем по горлу.

– Мотив, коллега, мотив. – Машук пошевелил пальцем разбросанные спички.

– Может пускай прокуроры хоть раз подумают? Мы и так сами поехали, а отчет... Кстати! – Сушко снова выглянул.

– Славик! – водитель вопросительно обернулся к следователю. – Вызывай труповозку! – Водитель кивнул и вышел на улицу, но тут же вернулся.

– Кто-то к нам в гости, – он махнул рукой в сторону крыльца.

Колесниченко, а за ним и Симко, вышли на улицу. Помявшись немного, следом выбрался и Толик.

Вдалеке мужчины увидели нелепую фигуру в широких джинсах, растянутой вязаной в крупную клетку кофте и кепке-бейсболке. Фигура постепенно приближалась, что-то волоча за собой. Подойдя поближе и увидев незнакомый автомобиль, она неуверенно остановилась.

– Так это ж Бурячиха! – радостно завопил Толик. – Мое алиби! – И затрусил навстречу самогонщице. Та настороженно попятилась.

На крик Толика вышли Сушко и Машук. Машук присел на перила, и стал с интересом рассматривать открывшуюся картину.

– Это Бурченко, та самая торговка, – повернулся участковый к следователю.

– Да я уже понял – Сушко шагнул вперед. – Давайте-ка ее сюда. Будем Зайцева с его алиби совмещать.

Машук хмыкнул.

Тем временем Бурячиха включила задний ход. Толик бежал к ней, но споткнулся обо что-то и упал.

– Валентина! – грозно крикнул Семен Витальевич. – А ну иди сюда! Иди сюда, кому говорю!!

Бурячиха остановилась, постояла, и нехотя двинулась обратно.

– Теперь понятно, где она брала товар – пояснял запыхавшийся Симко шагающему рядом Колесниченко. – Были сигналы, что Михалыч гонит, но я как-то не обращал... Вон, значит, оно как!

Колесниченко с умным видом кивал.

Они подошли к сидящему на траве Толику, со страдальческой гримасой шупавшему колено.

– Под ноги смотреть надо! – назидательно сказал участковый, подняв палец.

– И вообще, мы выстрелить могли – внушительно добавил Колесниченко, похлопав себя по боку.

Толик промолчал.

Милиционеры остановились и стали ждать Бурячиху. Та шла нарочито медленным шагом, словно на эшафот, и волокла за собой тележку.

Когда она подошла, Симко молча показал ей пальцем в сторону сторожки.

Бурячиха покорно двинулась в нужном направлении.

Пропустив ее вперед, Симко и Колесниченко пошли сзади. Толик, прихрамывая тащился следом.

Пройдя вперед, Бурячиха воровато оглянулась, словно надеялась, что за ней никого нет.

– Иди, иди! – прикрикнул Симко – я еще за ней бегать буду!

Бурячиха втянула голову в плечи и ускорила шаг.

– Значит, вы подтверждаете, что гражданин Михеев вчера днем купил у вас восемь стаканов самогона? – уточнил Сушко, поочередно поглядывая то на Толика, то на Бурячиху.

– Подтверждаю.

Толик облегченно вздохнул.

– А что за стаканы такие? – влез Колесниченко. – Какого размера?

Все с интересом посмотрели на самогонщицу. Та пожала плечами, и порывшись в тачке, достала крошечную пластиковую рюмочку.

– Обычного вазмева. Евуопейский стандавт.

– Тогда понятно, – выдохнул Колесниченко и посмотрел на старших.

Машук ему одобрительно кивнул.

– Так ты за самогоном до Михалыча пришла? – как ни в чем не бывало, спросил тетку Симко. Та кивнула.

– Аппарат сломался. Сегодня не будет, – развел руками Сушко.

– А когда ж? – с надеждой спросила Бурячиха.

– Сказано тебе, сломался, значит сломался! – отрезал участковый – Свободна!

Бурячиха с уважением посмотрела на него и взялась за тачку.

– Э-э-э! Мы еще не закончили!

И Сушко продолжил допрос.

Когда Бурячиха исчезла с тележкой, Сушко вернулся в каморку. Машук сидел на табуретке и курил, задумчиво глядя на труп.

– Что? – спросил Сушко коллегу.

– Да что-то не стыкуется. Выпил, отрубился, очнулся, пришел, увидел... Недоговаривает твой Зайцев что-то.

– Ты тоже заметил? Впрочем, сейчас увидим. – И Сушко позвал Толика.

Когда Толик зашел в каморку, Сушко поманил его пальцем и сказал, показывая на валявшийся на полу скальпель:

– Твои отпечатки мы... – он хотел сказать «Твои отпечатки мы найдем, это вопрос времени и докажем, что это ты убил деда».

Но Толик не дал ему договорить. Он вообразил, что менты уже нашли его отпечатки, забыв, что их еще даже не снимали. Он испугался и...

– Это тот мужик, тот мужик, который застрелился! Это не я! Я все видел! – и Толика прорвало. Колесниченко не успевал записывать.

* * *

Спустя четыре часа на территории бывшего дома отдыха было оченьлюдно. Перед центральным корпусом стояла машина из прокуратуры, еще одна – из милиции, и труповозка.

Прокурор, младший советник юстиции Калашник стоял на краю обрыва, безразлично вертя в руках упакованный кусочек пластика – обломок мобильного и устало слушал Сушко, введившего его в курс дела. Милиция была везде. Из воды достали тело неизвестного, застрелившегося ночью, осмотрели территорию дома отдыха, нашли самогонный цех, зафиксиро-

вали следы автомобилей, прочесали прилегающие к территории участки леса, сняли отпечатки пальцев, в том числе и на дверях центрального входа.

В общем, проделали всю необходимую работу, которую нужно выполнять и которую так выполнять не хочется.

Совершенно обалдевший Толик, которого успели опросить еще два раза, сидел на скамеечке и перебирал в памяти все, что рассказал следователям. Больше всего его беспокоило, что где-то он прокололся и теперь милиция сможет узнать о деньгах и часах.

Когда осматривали территорию, он сидел как на иголках. Но к счастью, никому не пришлось в голову оттащить в сторону сломанный детский грибок, под которым в углублении, завернутые в целлофановый пакет, лежали неожиданные трофеи. Он жалел лишь о том, что не догадался спрятать все где-нибудь в лесу, чтобы можно было в любое время взять без помех. Теперь же придется подождать. Ну ничего, когда все утихнет, он пойдет и купит себе новый пиджак. Непременно коричневый, и чтобы...

– Ты есть хочешь? – прервал размышления Толика чей-то голос. Вздрогнув, тот обернулся.

Колесниченко протягивал ему яблоко и два пирожка с картошкой, взятые из дому.

– Спасибо! – благодарно улыбнулся Толик, осторожно беря тормозок.

– Как ты думаешь, этот, что застрелился, кто он такой? – Колесниченко присел рядом.

– Кто его знает! – с набитым ртом ответил Толик. – Я его первый раз вижу. Ну, второй. Первый, это когда он там стоял! – Толик указал на центральный вход.

– А это случайно, не тот, который выставку вам подогнал? – младший лейтенант испытывающе поглядел на собеседника.

Толик задумался. Честно говоря, того знакомого, который обещал выставку, Толик как раз-то и не видел. Он красил колонку, потом копал червей, а потом ходил в поселок... Все прошло как-то мимо него. Это после Константин Михалыч поделился с ним новостью.

– Да я вообще-то и не знаю. Занят был, – доверительно сообщил он Колесниченко. – Красил, работал, то, се. Как-то и не разглядел... Кто его знает... Может, и он... А может – и нет... Не знаю. Я его не видел, он меня, – и Толик захрустел яблоком.

Колесниченко задумался. Если целью убийства была именно ночная встреча без свидетелей, то тогда все складывается. И если убийца-самоубийца ничего не знал о Толике, значит, он и не опасался лишних глаз.

Колесниченко привстал и заглянул в окно сторожки. Ничего, если не считать посуды на подоконнике, не говорило о том, что там ночуют, или вернее, ночевали, два человека.

– Слушай, а где ты спал? Ночевал, в смысле, – спросил он у Толика, с любопытством разглядывающего незнакомого майора, из приезжих, который, присев на корточки, внимательно рассматривал подъезд к дому.

Тот пожал плечами:

– Когда здесь – если зима или холодно, а так – когда на производстве, – он показал рукой в сторону самогонного «цеха», – а когда, в основном, на балконе – Толик махнул рукой в сторону террасы, опоясывающей большой дом.

– А кровать?

– Да какая кровать! Вон, в сарае, целых три раскладушки, еще с тех времен остались. То есть, не три конечно, а больше. Это я три отремонтировал. Ну, так про запас, мало ли... Вдруг гости, или еще что! – Скромно ответил Толик.

– Ясно. – Колесниченко задумался. Ну ладно, допустим, Зайцева убийца не заметил, и вообще не знал о нем. Это понятно. Но зачем стреляться? Нет, тут что-то не вяжется!

– Так что, он просто вышел на обрыв, постоял и застрелился? – снова стал спрашивать младший лейтенант.

– Да я уже сто раз говорил! Да, постоял, сделал вот так, – Толик поднял руку, будто смотрел, который час, – а потом приставил пистолет – и привет!

– Ничего не понимаю! – Колесниченко пристукнул кулаком по деревянной спинке. – Бред какой-то!

– Я тоже. У меня вон событий столько – и убийства и то, и се. Вообще крыша съезжает, – пожаловался Толик, вертя в пальцах хвостик от яблока.

...Вечерело. Такой богатый событиями день наконец-то подходил к концу. Стихли двигатели машин, увозивших прокуроров и ментов, перед сторожкой остались только Симко и Толик.

– Ты-то как? – участливо спросил участковый, с сочувствием глядя на Толика.

– Да как! Перебыюсь. Спасибо, Семен Витальевич, что попросили их, чтоб я тут остался.

– Да брось! – Симко помолчал. – Ладно, пойду я... Увидимся.

Он пожал Толику руку, и устало зашагал в сторону поселка.

Толик провожал его взглядом до тех пор, пока Симко не исчез из виду, а потом зашел в сторожку и закрыл за собой дверь.

II

Сквозь раскрытое окно доносился шум улицы. В комнате было душно, поэтому окно не закрывали и на ночь. Хорошо, хоть окно забрано противомоскитной сеткой, а иначе комары точно сожрут. И это в июне! Шестой этаж, а им все пофиг! Интересно, как на таких маленьких крыльшках можно так высоко подняться? Хоть сетки и везде стоят, а все равно же кусают! Из вентиляции, что ли, гады, лезут? Если бы не «Раптор», жизни вообще не было...

В комнате за накрытым столом сидели и пили водку три человека. Точнее, водку пили двое, а младший лейтенант Колесниченко употреблял безалкогольное пиво. Вкусная домашняя еда – паровые котлеты, жареная картошка с грибами, селедка под шубой – праздничный ужин в честь приезда старшего брата, Димки.

Они приехали пару часов назад, возвращаясь из Николаева, где Димка был по делам.

Зайдя в квартиру, крупный, коротко стриженный с мощной шеей мужчина первым протянул Паше руку:

– Голубых.

– Кого? – не понял тот.

Димка рассмеялся.

– Меня. – Одними губами улыбнулся мужчина. – Фамилия такая, необычная... Стала... В последние двадцать лет... А зовут меня Михаил.

От правого виска до уха у него на лице виднелся заживший шрам.

Мать приготовила ужин, немного посидела за столом и убежала ночевать на дачу, недалеко, всего в получасе ходьбы от их дома. Сегодня ночью должны давать воду, поэтому пропустить полив ее могло заставить разве что чрезвычайно важное событие.

Приезд старшего сына, которого она не видела почти полгода, таковым не являлся.

Сейчас они втроем продолжали отмечать встречу.

– А нахрена его поливать, если все равно все берется на рынке! – рассуждал старший Колесниченко. – Ты попроси денег, я дам, купите все что надо!

– Да не надо нам ничего – вяло отмахивался младший. – Хочет, пусть себе занимается... Мне же спокойней. Притом же Любка приходит. А так стесняется.

– Чего? Мать достает? – полюбопытствовал Димка, намазывая хлеб «еврейским» салатом.

– Да не... Просто, говорит, ее напрягает, когда кто-то дома еще.

– Правильно говорит – подал голос Михаил Голубых. – Нечего ни мать смущать, ни себя.

Он налил себе и Димке водки и вопросительно качнул бутылкой в сторону младшего. Тот покачал головой и долил себе пива.

– За них. Хоть и говорят, что мы их выбираем, это они нас выбирают. А что бы мы без них делали? Ни-че-го! – Димка раскраснелся, видно было, что алкоголь начал действовать.

Две рюмки и кружка со звоном встретились. Собеседники выпили.

– Что нового? Как работа? – в который раз спросил Димка, откинувшись на стуле – Не жалеешь, малой? А то шел бы ко мне. Я тебе сколько раз говорил!

– Во-первых, это в Киев ехать – раз. – Пашка скинул тапки и по-турецки устроился на кресле. – Во-вторых, мать не поедет. В-третьих, я хочу сам чего-то добиться в жизни! Я тебе сколько раз говорил! – он хрустнул пальцами и засмеялся. – В конце концов, научусь, опыта наберусь, а там видно будет... Может, еще сто раз все поменяется... Работа? Работа в принципе-то ничего, только печатать много приходится. Кому это надо? Все упирается в бумажки. Работы той – понты! Да и потом, скучно пока... Ни стрельбы, ничего. Сплошная бытовуха. Какие-то алкоголики, сожители, соседи – одна хрень вокруг!

– А ты чего хотел? В двадцать лет калекой остаться? Или вообще... Мать тебе тогда спасибо скажет! Подтверди, Миш! – Димка глянул на Голубых.

Тот пожал плечами.

– Я причем? Вы оба правы. Но решать Пашка сам должен. Он уже не маленький. А насчет стрельбы – я тебе так скажу: не дай тебе бог видеть такое. Тут конечно не угадаешь... Можно всю жизнь в ментовке прослужить, до пенсии, без единой царапины, а можно в первый месяц... – Он посмотрел на Колесниченко-младшего – А ты сколько уже?

– Да... Четыре месяца. Почти. Спасибо, между прочим, за напутствие.

– Да ты не обижайся. Я просто много чего перевидал, поверь, Паша. А теперь понимаю, что лучше б и не было ничего вообще, чем такое... Потому и тебе не желаю. Работай на здоровье спокойно.

– Да брось, Миш! – поморщился Димка, разглядывая на свет вилку. – Что тут в этом Мухосранске может быть? ЧП районного масштаба? Они и кровь-то видят максимум раз в три месяца – на разбитых мордах. Тут тебе не Афган и не Чечня. Это у нас с тобой... – он замолчал, и махнув рукой налил себе еще.

– А тут-то ты и не прав! – торжествующе крикнул Павел, указывая пальцем на Димку. – Не знаешь, так молчи! У нас тут кое-что было! Хотите, расскажу! Дело, конечно, закроют, но я, и еще некоторые авторитетные товарищи, считают, что...

– Ну давай, рассказывай, – разрешил Димка. – Только я лягу, чего-то объелся. – Он, кряхтя, перебрался на диван.

– Только не усни, – предупредил Колесниченко-младший, – а то я тебя знаю!

– Смотря как рассказывать будешь.

– Ну ладно.

И младший лейтенант принялся повествовать о событиях месячной давности.

«Деревянное дело», как его стали называть в районе, наделало много шума. Первое время отдел напоминал встревоженный улей, но потом все остановилось. Задерганный Сушко поругался с женой и загремел в больницу с инфарктом. Врачи, естественно, категорически запретили ему волноваться. Ни о какой работе в ближайшее время не могло быть и речи. Другой следователь Гребенцов, который страховал Сушко в случае чего, и кому могло это самое дело попасть, собрался в отпуск. Начальник отдела сначала категорически отказал, но отпуск был по графику, и психующий Гребенцов нервно совал под нос начальнику билеты в Египет. Тот упирался до тех пор, пока начальнику управления не позвонил кто-то сверху, судя по всему, родственники Гребенцова по линии жены, после чего Гребенцов с победным видом побежал собирать чемоданы.

Дело затихало.

Через две недели Колесниченко наведлся к начальнику отдела, поинтересовался, что же дальше, и подал ряд весьма ценных, по его мнению, предложений в части расследования. Начальник, который лишился сразу двух опытных следователей, выслушал его весьма вяло, и прозрачно намекнул, что дело скоро будет закрыто. Убитый Михеев не имел близких родственников. Личность второго не установлена. Вырисовывается классическая схема. Неизвестный убил сторожа с целью ограбления. Ничего не нашел, и придя в ужас от содеянного, застрелился.

Колесниченко пораженно взирал на начальника. Он еще слишком мало проработал, чтобы понять всю глубину мысли руководителя. На робкий вопрос насчет дополнительного расследования, начальник вскипел и заявил: «Хочешь дорасследовать – пожалуйста. В свободное от работы время». И дал Колесниченко другое задание.

Вот и все.

Отчет экспертизы пришел только неделю назад. Сушко еще как-то мог бы поторопить экспертов, Колесниченко же, увы, пока не имел ни авторитета, ни рычагов воздействия на них.

Поэтому, как только ему в руки попал отчет, он взял разбухшую от материалов папку, банку кофе, печенье и пошел в гости к Машуку. Тот к счастью, был не на выезде.

Налив Машуку кофе, Колесниченко протянул ему папку.

– Горло перерезано справа налево. Я, между прочим, это сразу сказал, – заметил Машук, прихлебывая «Нескафе».

– И что? – нетерпеливо спросил Павел, заглядывая Машуку через плечо.

– А то! Пальцы на скальпеле Михеева? Михеева. А Михеев – правша. Это тот бомж подтвердил, так?

– Вроде так – неуверенно сказал Колесниченко, ничего не понимая. – Так и что?

– Как что? – удивился Машук. – Убийца левша!

– Почему левша? – спросил Колесниченко.

Машук с сожалением посмотрел на него.

– Ты вообще отчет читал?

– Ну, просмотрел...

– Просмотрел! Ты же следак! Ты его должен пять, десять раз перечитать, с карандашом в руках, чтоб пометать важное, понял? – Машук захрустел печеньем. – Вот! Голова с какой стороны прострелена? С левой! Тут даже отчет не нужен.

– Это ни о чем не говорит, – защищался Колесниченко. – Может, его тот бомж грохнул!

– Да? А следы пороха на руке? Ты хоть иногда читай!

– Какие следы? Там нет никаких следов! – закричал Колесниченко и схватил руками отчет. Но Машук крепко держал бумаги.

– Аккуратнее, порвешь. Чего разорался?.. Короче говоря, этот мужик и грохнул деда.

– Откуда такие выводы?

– Ладно, смотри. – Машук развернул папку, и надкусанным печеньем ткнул в одну из фотографий. – Что ты видишь?

– Убитого. Его руку.

– Конкретнее.

Колесниченко вздохнул.

– Слушай, объясни, а? Ну ни хрена я не вижу!!

– Смотри внимательно. – Печенье двинулось вдоль фотографии. – Видишь, у деда на руке крови мало, и хорошо видно следы, как будто кто-то сдавил сильно... Видишь, спрашиваю?

Действительно, на снимке отчетливо были видны следы на кисти убитого.

– Да я не обратил внимания, думал это так... освещение.

– Не освещение. Кто-то сильно взял его за руку. Очень сильно, если после смерти остались следы.

– А может, это синяк? Ударился или еще что-то в этом роде? – предположил Колесниченко с интересом глядя на снимок.

– Нет. Видно же следы пальцев. И сам себя ты так не возьмешь. Не веришь, попробуй, – предложил Машук.

Колесниченко поверил.

– Дальше, отпечатки на скальпеле деда, так?

– Ну, так.

– Следи за мыслью. Если бы ты хотел перерезать сам себе, ну или кому-то горло, как бы ты резал? Покажи.

Колесниченко взял карандаш и показал, как.

– Видишь? Ты режешь слева направо. Как правша. А тут наоборот, судя по характеру раны. То есть, он схватил деда сзади, и...

– А почему сзади? – перебил Павел. – Может, как раз напротив стоял. Чиркнул, а потом скальпель в руку вложил – и фьють! Вот тебе и левша.

– Не-е-ет! – с удовольствием сказал Машук. – Ну-ка, попробуй перерезать мне горло.

Паша взял карандаш и взмахнул рукой. Справа налево.

– Ты видишь, все равно характер раны не меняется!

– А если он резал по-другому? Слева направо? – упорствовал Колесниченко.

– В принципе, не исключено, – неохотно согласился Машук. – Но тогда как же следы на руке? Нет, тут он перерезал деду горло его же рукой. Скорее всего, постучал, дед открыл, прошли в ту комнату, где эти домики, и там он его... – Машук звонко прищелкнул пальцами.

– Но зачем?

– Это вопрос не ко мне. Бери, расследуй. – Машук пожал плечами.

– А мог это тот... Зайцев сделать? Как ты думаешь?

– Да хер его знает! Думаю, нет. Я его просил подать ведро, когда мы самогонный цех ихний смотрели. Полное! Он чуть не усрался от натуги. Слабоват.

– Может, притворялся?

– Да что ты заладил: может, может! Откуда я знаю!.. Ладно, с дедом понятно. Читаем дальше. – Машук зашелестел страницами. Колесниченко преданно смотрел на него.

– Интересно, интересно! Ты видел? – Машук выпрямился в кресле. – Смотри! У второго обнаружили в правом легком пулю. Хм. Еще одна... И судя по всему...

Резко зазвонил телефон. Машук свободной рукой взял трубку.

– Да, я. Где? Хорошо, сейчас буду.

Он поднялся с кресла.

– Все, я поехал! Давай в другой раз, хорошо? Так, где же мои...

Колесниченко вздохнул.

– Да дело все равно закрывать будут. Этот убил того и застрелился.

– Закрывать? Это плохо, дело интересное – озабоченно проговорил Машук, собирая дипломат. – Если закрывать, так чего ты кипишуешь? И так все понятно... Где же он подевался? – он пошарил в столе, и что-то достал. – Ага, вот. Все, я побежал. Кабинет закроешь. Пока! – И Машук исчез.

Колесниченко уныло собрал материалы в папку, взял кофе и печенье и вернулся к себе. Он чувствовал, что другой раз ему не светит.

На столе дожидался целлофановый пакетик, в котором лежало что-то металлическое. Присмотревшись, Павел узнал в кусочках металла пули.

– Ну, в общем, и все... – Павел оглядел собеседников.

– Да что тут расследовать – закинув руки за голову, Димка смотрел в потолок. – Обычное дело, бери да закрывай. Вообще проблем не вижу. И тебе же показатель будет...

– Закрывай! – передразнил его Павел. – Полно неясностей, а ты проблем не видишь! Убийство же двойное! Я, между прочим, уже неделю по вечерам все сижу, изучаю, анализирую, голова пухнет.

– Ну изучай, изучай, аналитик, коли делать нечего, – хмыкнул Колесниченко-старший, повернувшись на бок.

– А вы что думаете? – обратился к Павлу Миша.

– Хорошо бы взглянуть на материалы, – после некоторого молчания сказал Миша. – Как по мне, интересный случай...

– Так я сейчас принесу. – Паша подскочил и выбежал из комнаты.

– Я не понял, они что – здесь? – удивился Миша.

– Так говорю же, неделю изучаю! – крикнул из своей спальни Колесниченко-младший.

– Ничего себе! – Димка почесал щеку. – Носят секретные материалы туда-сюда, как в библиотеке! Ну и страна, блин! Нигде порядка нету!

– Причем тут порядок! – сказал Павел, входя в комнату, – я же поработать взял. Тем более, бери что хочешь, никто не смотрит. Вон, две недели назад у Алтухова сканер вынесли, так он только через два дня заметил. И не нашли! Сперли прямо в кабинете, и никого не нашли! – Он положил объемистую папку перед Мишей. – Щас, ноут еще.

– Зачем? – спросил Миша.

– А там фотографии еще, те, что в деле нет! – Паша открыл перед Михаилом ноутбук. – Вот. Сразу в фотографии указано – название и дата. Нажимать нужно вот так и так, – Павел щелкнул мышкой. – Если не знаете.

– Спасибо – серьезно сказал Миша – теперь буду знать.

– А с чего вы взяли, что заметил только через два дня? – спросил Димка, рывком усаживаясь на диване.

– Потому что секретарша его заметила. Думала, что он сам его взял, пока он сам ее не спросил. – Паша положил себе картошки.

– Он, его, она – пробормотал Димка, – если беспредел внутри самой милиции, понятно и так, как дела ведутся. Все на корзину.

– Не умничай – отрезал Павел и повернулся к Мише: – может, свет включить?

– Свет не надо, а карандаш дайте – пробормотал Миша, разглядывая фотографии. – Мда, интересно...

– Держите – торжествующе сказал Паша, протягивая карандаш. – Я там систематизировал все, схемы и карты в одном файле, показания и отчеты в другом, а вот то, что синей скрепкой – это я сам печатал, личные, так сказать, наблюдения.

– Ох ты ж, е-мое, – простонал Димка, держась за голову – ну надо же! Систематизировал личные наблюдения! Твою ж мать! Как вырастет братец-то! У тебя в комнате тоже все систематизировано? Носки в одном файле, трусы в другом? Или они размещаются в хаотически случайном положении?

– Да пошел ты! – Паша отхлебнул пива. – Мог бы проявить интерес хотя бы исключительно из вежливости. Тебе-то самому и рассказать не о чем!

– Да это никому не надо! Если проработаешь хотя бы три года, если сможешь выдержать, поймешь! А сейчас понятно, что тебя это цепляет. Но послушай совета старшего родственника: никогда без крайней необходимости не носи подобную хрень домой! – Димка назидательно поднял палец вверх. – Цени то небольшое свободное время, которое у тебя есть. Сходи к Любе, в кино, да хоть и на дачу – но не мешай личное с общественным, поверь!

Паша пожал плечами:

– Может ты и прав. Но на данный момент мне это интересно. А значит – он прищелкнул языком – все. Это ж гимнастика для ума. Логика и дедукция!

– Дело ваше. – Димка подошел к столу, налил рюмку водки, выпил и открыл дверь на балкон. – Пойду-ка я гляну, что новенького в нашем королевстве.

Зазвонил Пашин мобильник. Младший лейтенант взял трубку.

– Да, Люба, я слушаю. Привет!.. Нет, сегодня не получится, – он искоса посмотрел на читающего Михаила и вышел в другую комнату.

Между тем Голубых сосредоточенно листал материалы и что-то черкал на листке бумаги.

Потом он внимательно осмотрел обе пули и взялся за подбородок.

– Ну что, нашел что-нибудь интересное? – с любопытством спросил Димка, через некоторое время вернувшись с балкона.

Миша загадочно улыбнулся.

– Я смотрю, ничего-то и не изменилось. – Димка задумчиво смотрел в окно. – То же и те же. Упадок НЭПа... Пять... или когда я там уехал... да, пять лет назад то же самое было. И еще через пять не изменится. И бабки те же самые и лавки. Глубинка, мать ее! А он себя тут похоронить хочет!

– Димыч, чего ты к пацану привязался? У него своя голова, сам пусть жизнь строит. У вас какая разница?

Димка ненадолго задумался.

– Тринадцать лет.

– Солидно! – Присвистнул Голубых. – Ты-то, когда уезжал, тебе сколько было?

– Тридцать ровно мне было! А что?

– Ничего. А ему, я так понял, еще до тридцати – шесть лет?

– Восемь.

– Тем более. А ты лезешь со своими нравоучениями.

Оба замолчали.

Когда Паша закончил говорить и вернулся в зал, Голубых обвел всех взглядом и сказал:

– Очень интересно, господа коллеги. Очень.

Братья Колесниченко подошли. Тот, отодвинув тарелки, разложил на столе «систематизированные» материалы. Димка скептически посмотрел на Михаила.

– Ну, давай, колись, что нарыл!

– Хорошо. Но сначала один вопрос: что с пистолетом? Его нашли? – Миша глянул на Павла.

– Нет. – Твердо ответил тот. – Внизу, под обрывом, говорят, глубина под пять метров! Кто его искать будет!

– Значит, нет. – Миша на листке бумаге напротив вопроса провел черту, очевидно означавшую минус, и откинулся на кресле, сложив на животе руки.

– Ладно, Иваныч, не томи, – нетерпеливо сказал Димка, – давай, излагай!

Миша повернулся к Колесниченко-младшему:

– Скажи, Паша, а тебе ничего не показалось странным?

Тот пожал плечами:

– Много чего. А что именно?

– Именно этот Зайцев. Его показания.

Паша задумался.

– Показания как показания. Вы что же, думаете, это он убил?

– Я разве так говорил? – Миша испытующе поглядел на молодого человека. – Пока что я вижу тут кое-какие несоответствия.

– Какие же? – полюбопытствовал Димка. – Что-то новое родил?

– Чего там родил! Все же написано – бери и читай.

– У меня уже глаза замылились, я его почти наизусть помню, – задумался Павел. – Черт его знает! Вроде бы все и стыкуется...

Он взялся за подбородок.

– Ага, есть! Мы не уверены, то есть не сто процентов, что Зайцев и Михеев были знакомы! Вернее, знакомы, но поверхностно, никто ни у кого не жил. А убить – ну, этот второй мог вполне быть знакомым Зайцева. По наводке.

– Глупости. – Димка склонился над разложенными фотографиями, одним глазом поглядывая в экран ноутбука. – Они и рядом не валялись – убитый и Зайцев твой. Ты посмотри! Этот вылитый бизнесмен, а этот почти бомж.

– Почти антонимы, – прокомментировал Миша.

– Нет, это не катит. Да и убийство по корыстным мотивам, пожалуй, исключено. – Димку происходящее явно заинтересовало. – Тут, скорее всего, другое...

– Какое? – младший Колесниченко с надеждой посмотрел на брата.

– Самый главный вопрос: кто были те люди, и что они делали в этом богом забытом месте? Если они конечно, были.

– Судя по бумагам, были – Миша похлопал по папке. – Логично мыслишь, напарник.

Польщенный Димка продолжал:

– Значит, что? А то, что если ваш этот Зайцев, говорит, что они были в самом доме недолго, чего они туда приперлись на ночь глядя? Вряд ли посмотреть особенности планировки, так? Смысл ему врать! А значит... – он сделал многозначительную паузу.

– А значит, им нужно было встретиться на нейтральной территории, и порешать свои вопросы – подхватил Пашка.

– Маладэц, слышь, да? – Димка щелкнул пальцами.

– Таким образом, ваш дедулька-сторож, попадает под раздачу, как нежелательный свидетель. То есть, он не сообщник. И если верить рассказу про выставку, значит о Зайцеве убийца не знал, а то и его бы уработал. Как пить дать! Правда, это не объясняет, почему он сам застрелился. Тут я, ни хрена, честно, не пойму. – Димка налил воды.

– Не ты один. – Паша задумчиво крутил в руках пульт от телевизора.

– А из чего он застрелился, установили? – спросил Димка у товарищей.

– Из «Макара» – лениво ответил Миша. – Там и пуля вон с него... Так что, все? Больше мыслей нет?

– Во-первых, я ничего не читал, поэтому не в теме, а во-вторых... Если б этого убийцу установить, половина проблемы решится. Вы у него пальцы брали? – обратился Колесниченко-старший к младшему.

– Брали – кивнул тот. – Но глухо, как в танке. Ничего нет.

– Это по стране?

– По стране.

– А Интерпол запросить?

– Слушай, ты такой умный! – разозлился Паша, – возьми и запроси!

– Чего ты орешь? Я что, знаю все эти ваши... дела? Нет и нет. Все равно глухарь. Если пальцы ничего не дают, значит, полная жопа!

– Если пальцы ничего не дают, значит информация добывается из того, что под рукой. – Миша пошевелился в кресле. Оно жалобно скрипнуло под его весом.

– Что ты только что сказал? – обратился он к Димке.

– Насчет?

– Насчет убийцы.

– А что я сказал?

– Что он вылитый бизнесмен.

– А что, ты не согласен?

– Согласен. Смотрите, что у нас получается: есть остатки мобильного телефона. Раз.

– Так проследить же не удастся! – Паша вскочил на ноги.

– Не перебивай. Кому-то убийца звонит за минуту перед смертью, хоть это и полный бред. Два? Два. Дальше. Как он добрался до дома отдыха? На автобусе? На машине? Привезли или сам приехал? Скорее всего, привезли, так как машины не нашли... Хотя, если честно, и не искали, да? – Миша глянул на Пашу. Тот пожал плечами. – И пешком вряд ли сам пришел, топтать-то далековато... Но это не суть важно... Важно, что у человека был с собой пистолет, был мобильник и... все? Так не бывает, братцы!

Братцы молчали. Потом младший осторожно спросил:

– Так где же тогда деньги, документы? Исчезли?

Миша в упор посмотрел на него.

– Иногда полезно посмотреть со стороны. Ты же сам писал. Что, не помнишь?

– А что я писал?

– Как твой Зайцев описывает поведение его перед смертью, помнишь? Вот, смотрите. – Миша взял листок и держа его перед собой, прочитал: «...Я уже сто раз говорил! Постоял, и сделал так, а потом приставил пистолет и застрелился! При этом Зайцев показал жест, как будто смотрел на часы...», и дальше по тексту. Ну? Мы знаем, что убийца левша? Знаем. Какой рукой он показывал этот «жест»? Правой или левой?

– Правой. Точно, правой! – Паша оторопело смотрел на Голубых. – Офигеть просто! Но где ж тогда эти часы?

– Элементарно. Там же где и документы, – подал голос Димка. – У Зайцева.

– Да с чего вы взяли, что это Зайцев их взял? Ну допустим... Так когда? Был я на том обрыве. Ночью не то что лезть в воду, стоять страшно... Если конечно, тело не упало на тропинку, а Зайцев его обобрал и толкнул в воду... Кстати, это вариант. – Паша торопливо заходил по комнате.

– Вряд ли. – Миша протянул Паше карту. – Вот тут дом, это сторожка. Так? Эти тропинки, я так понял, ты дорисовал, да? Толково, между прочим... Так вот, он говорит, что вышел из лесу утром, увидел открытую дверь и пошел проверять... Ладно. Теперь смотрим сюда. – Миша повернул ноутбук к братьям. – Смотрите. Плохо видно, но понять можно. Дверь в сторожке находится с противоположной стороны от леса! В смысле, от тропинок. То есть, из леса никак не могло быть видно дверь. Она с другой стороны дома, ясно?

Братья оторопело посмотрели друг на друга, а потом на Михаила.

– Дальше! – нетерпеливо сказал Димка.

– Тут много, конечно, нестыковок... Больше всего меня удивляет эта пуля. – Голубых показал пакет. – Это другая, не та, что от «Макара», – уточнил он.

– Дай-ка! – Протянул руку Димка.

Миша кинул ему пакет.

– Ну-ну! – подбодрил его Паша.

– Что ну-ну! Это разрывная пуля с измененным центром, понимаешь? Нашли ее-то в легком, но попасть туда она могла попасть с любого места.

– Ну понятно, что с любого! С груди или со спины.

– Ты что, придурок? – Димка покрутил пальцем у виска. – Ты ж в милиции работаешь! Эта пуля войдет в задницу, а выйдет из уха! А там, где она пройдет – остается один кисель, понял?! И она никак, ну просто никак, не могла быть в легком. То есть, могла, но в одном случае: все внутренности должны быть перемолоты в фарш.

– А если просто застряла, не разорвалась? – спросил Павел, заранее зная, что сморозил глупость – пуля была сильно деформированной.

Миша покачал головой.

– А что там насчет входного отверстия? – поинтересовался Димка.

– Ничего. Просто ничего. Меня вообще удивляет, что эксперт тупо не делает никаких выводов. Просто отметили факт, как само собой разумеющийся, и все! А мужик гулял с ней, наверное, несколько лет, не меньше!

И видя, что его не понимают, пояснил:

– Иначе и быть не может! После такого ранения через неделю не встанешь! – Миша покачал головой.

– Им там что, совсем насрать на работу?

– Какая страна, такие и эксперты – поморщился Димка. – Чего ж ты удивляешься?

– В общем, ты молодец, Паша! – Голубых протянул Павлу руку и тот с готовностью пожал ее.

– Если бы все это не было разложено, черта с два б что-то всплыло!

– А как вам удалось так быстро разобраться? – спросил Павел с интересом. – Есть опыт подобных дел?

– Опыт есть всегда, – загадочно ответил Миша. – Нужен лишь стимул... В принципе, несложно. Просто все, что написано, я пытался представить: что вижу, куда иду. У тебя тоже получится.

– Ладно! – прервал обмен любезностями Димка. – Что теперь? Побежишь к своему начальнику докладывать?

– А толку? – с горечью сказал Паша. – Ну, спер он эти часы, и что? Дело все равно так и так закроют. Это лишние движения. Нет, я, наверное, через неделю на выходные сам смотаюсь и проверю, что к чему! Тогда и будет понятно.

– Выбрось дурь из головы! – решительно сказал Димка. – Ты чего! Как ты его будешь колоть? Пистолетом? Да и опасно это. Минимум – вернешься ни с чем, максимум – тебя самого потом искать будут!

– Это моя работа! – уперся Павел. – Сказал поеду, значит поеду!

– Придурок!

– Сам ты придурок!

– Успокойтесь! – Миша поднял руку. – Он прав, одному тебе соваться туда опасно! – Большая ладонь повернулась к Колесниченко-старшему. – А ты, Димыч, взял бы и предложил свою помощь брату. Съездили и посмотрели, что к чему. Вам же общаться нужно!

Павел открыл рот.

– Да сто лет оно мне надо! – возмутился Димка. – Вот меня там еще не было! Ты че, Иваныч, перепил? Так прямо и вижу, как мы там по этим трущобам лазим вдвоем!

– Втроем, – уточнил Голубых, собирая бумаги.

Первое звено в цепи невероятных событий было определено.

* * *

«Сиджак!» – крикнул рефери и отпрыгнул в сторону.

Второй претендент на чемпионство тяжело шагнул вперед. Я неотрывно смотрел ему в грудь. Противник назывался Роман Жаворонков и теоретически был в одной со мной весовой категории.

Да, похоже, мысль о применении диуретиков пришла в наши головы одновременно.

Впрочем, если судить по внешнему виду Ромы Жаворонкова, эта мысль не то что самостоятельно прийти, а и появиться с чьей-либо подачи не имела шансов как таковых в принципе.

Жаворонков тяжело переступил ногами. Фамилия подходила к нему как нельзя точно. Здоровый и коренастый, он должен был называться минимум Кабанов, и весил килограммов девяносто пять. Но выступал, как и я, в среднем. Взвешивания должны были пройти за три дня до начала соревнований, поэтому одну таблетку я выпил за день до начала процедуры, и

еще одну – за два часа. Знакомый качок, который подогнал мне этот препарат, предупредил: «Из тебя начнет течь вода со всех щелей, и почки могут придавить, так что не пугайся».

Я и не испугался. Вернее, не успел. В течение первого часа после приема таблетки я успел сбежать в туалет раз пятнадцать. Потом резко пошел пот. Лилось рекой. Но зато из восьмидесяти кило получилось семьдесят шесть. И давление, кстати, не подскочит, если чего... А еще через день – стало семьдесят два. Прием, конечно, нечистый, но что поделаешь! Слишком важно было выиграть область. А такая возможность была. Палыч, тренер, предупредил:

– Смотри, Артур, это наш с тобой шанс! Выиграешь – тогда и о деньгах можно будет заводить разговор.

Сейчас Палыч из угла мрачно смотрел на возможного чемпиона области Романа Жаворонкова.

Дело в том, что команда во главе с Палычем запланировала поездку в Китай, на чемпионат по ушу. Но и кроме ушу, там было, конечно, на что посмотреть. Со всех уголков мира собираются Мастера с большой буквы, чтобы продемонстрировать свое искусство, и почерпнуть что-то у других. Когда я услышал про Китай, естественно, думать ни о чем другом не мог.

И естественно, нужны были деньги. Ориентировочно – шесть тысяч полновесных условных единиц. Это как минимум. А лучше – больше. Крестный Димки Панченко, товарища по команде, работал в исполкоме и если верить Димке, обещался устроить встречу с мэром. Расчет строился на недавно прошедших выборах, и новый городской голова еще не настолько должен был погрязнуть в коррупции и расхищении бюджета, чтобы отказать будущим чемпионам.

Короче, была такая возможность. Разумеется, идти просить следовало с чемпионским кубком в руках, иначе шансы автоматически приближались к нулю, зато росли шансы соперников.

Поэтому, когда появилась возможность повысить эти самые шансы при помощи таблеток, я не колебался. Вы, конечно, скажете, мол, химия. Да, химия! Но кто, скажите на милость, в последние пятьдесят лет чего-то без нее добился? Шварценеггер? Власов? Турчинский, царство ему небесное? Даже легендарный Брюс Ли, ходили такие слухи, не брезговал медпрепаратами. Все зависит от цели. Или оправдывают ее средства, или нет.

Один знакомый тип, знающий все на свете, в том числе и про спорт, авторитетно заявил, что все эти нагрузки – полная туфта, потому как бросишь заниматься – все мышцы превратятся в жир! Круто, не правда ли? Этот сутулый шкет с самомнением, превосходившим чувство собственного достоинства небезызвестного Людовика Четырнадцатого, того самого, который «государство – это я», не способный даже один раз подтянуться на турнике, битый час рассказывал мне о том, какие все качки вокруг – дебилы, с заплывшими жиром (очевидно, бывшими мышцами) мозгами.

По каким-то причинам, в разряд дебилов я тогда не попал. То ли потому что не тянул на качка, то ли (что более вероятно) попал, но негласно. То есть мне об этом ничего не сказали, но другим – сообщат непременно.

А насчет химии... Попробуйте заниматься, даже используя уколы и таблетки – и добейтесь хотя бы четверти того, что добились эти люди – ну, тогда и поговорим.

Так что главное не таблетки: главное, как и везде – пахать! Волшебных рецептов нет!

Не знаю, как другие, но мое мнение, что человек должен сам делать свой выбор, но при этом думать. И все. Таблетки, клизмы – сколько угодно, но с умом. Если ты взрослый, и знаешь, как это делать – пожалуйста. Твоя жизнь и твое здоровье. Главное, не навязывай свое мнение другим.

Старый дед, сосед по площадке, как-то хвастался бабкам в очереди за картошкой, что вот уже тридцать лет, как он ложится спать, выпивая на ночь полтаблетки аспирина, и активно агитировал их заняться тем же самым. Мол, кровь разжижает, и все такое. Это, выходит, он за год выпивает сто восемьдесят таблеток, а за тридцать лет – сожрал пять тысяч четыреста!

Пять с половиной тысяч таблеток. Пятьсот пятьдесят пачек. Так кто ж тогда, спрашивается, химичит?

Неизвестно, подсели ли дворовые бабки на ацетилсалициловую кислоту, но факт остается фактом: и химичил, и пропагандировал! И при этом – ни слова о спорте! Так-то.

Ну, в общем, я договорился со знакомым тренером с качалки, и поставил Палыча перед фактом. Мол, решил и все! Палыч ничего не сказал. Только как-то странно на меня посмотрел. Его самого, небось, раздирали противоречивые чувства. Старая советская закалка и совесть говорили одно (по правде говоря, я думаю, не слишком громко), а трезвый расчет – совсем другое. Соблазн был слишком велик.

При обычном раскладе шансы у меня, как у старожилы, конечно, были. Больше чем у кого-либо в команде. Были, но не слишком большие. А так, при отсутствии допинг-контроля (да и какой там допинг-контроль на захудалых областных соревнованиях!), временном сбрасывании веса и попадании в нижнюю весовую категорию, они (шансы) существенно возростали.

Сам Палыч никогда бы такого мне не предложил. Низенький, полноватый, лет под сорок пять, и уже подрастерявший спортивную форму Юрий Павлович Хохлов, тем не менее, имел огромный авторитет у наших пацанов.

Когда-то великий педагог Макаренко заметил, что учитель или воспитатель должен, прежде всего, знать свое дело, быть профессионалом в нем, неважно какой профессии он отдал предпочтение, и лишь тогда он будет пользоваться уважением воспитанников, несмотря на любые имеющиеся недостатки.

Это определение не совсем точно подходило к Хохлову. Он не мог сделать тройной разворот в воздухе, «провиснуть» в шпагате между двух стульев или разбить кирпич. Но у Палыча было одно несомненное достоинство: он мог и умел объяснить. И делал это очень хорошо.

Поначалу мне, когда я впервые пришел на занятия, смешно было видеть, как этот коротышка, с трудом удерживаясь на одной ноге, пыхтя и раскачиваясь, другой пытается показать удар «крипчеги». Но походив несколько раз, я по-другому посмотрел на все, и смог оценить достоинства тренера. В общем, насмешки сами собой исчезли. Тем более, что «старики» косо смотрели на таких шутников. Да они надолго в команде и не приживались.

У Палыча было еще одно ценное качество – индивидуальный подход к каждому. Когда я появился на тренировке в пятый раз, и по всему было видно, что настроен я серьезно, несмотря на свой, далеко уже не чемпионский возраст, Палыч отвел меня в сторону, и заставил делать так называемую «диагностику». Отжиматься, приседать, подтягиваться – словом, все то, что нужно, чтобы выяснить, чего можно ожидать от ученика. Затем на свет появилась синяя тетрадка в клеточку, в каких школьники выполняли задания по математике, с фамилией и именем испытуемого, и Палыч аккуратно внес туда информацию о «диагностике».

– Вот. Теперь то же самое повторим через месяц, и посмотрим на результаты. Ясно? Палыч вопросительно глянул на меня и покусал колпачок ручки. Все было ясно.

Потом, уже спустя несколько тренировок, он сказал:

– У тебя хорошо работают ноги, обрати особое внимание на силовуху.

Ну, я и обратил, после чего стал появляться в зале не три раза в неделю как все, а два. А в промежутке занимался отдельно – качал ноги по методике, разработанной Палычем. Результаты не заставили себя ждать, и после трех лет тренировок я уже шел на областные соревнования.

Остальные претенденты, как и противники, были значительно моложе меня. Почти под тридцать – ну какие тут соревнования? В большой спорт дорога была заказана, сто процентов, но взять того же Брюса – он же никогда в спорте и не был. Так что эти соревнования были подтверждением того, что человек может, если захочет. Главное, их нужно было выиграть.

А что же делать, кто из нас не хочет пройти малыми путями, чтобы получить большие результаты? Все мы люди, и магическое слово «халява» не однажды предлагало срезать марш-

рут. Поэтому решение «подсесть» на таблетки вступило в силу, даже не успев как следует сформулироваться.

Похудев до взвешивания и получив нужную категорию, я тут же бросил таблетки, стал усиленно набирать вес и за три дня стал тяжелее возможных конкурентов килограммов на пять-восемь. Поэтому до финала, несмотря на возраст, относительно легко «раздавил» своих более легких, не отравленных химией, более молодых соперников. Попадись, конечно, Настоящий Мастер, ни пять, ни двадцать пять килограмм разницы никакой погоды естественно, бы не сделали, но еще раз – откуда взяться Настоящему Мастеру на тех же соревнованиях?

Но, как показывает бесценный опыт истории, бесплатный сыр – простой голландский, ценимый гурманами дефицитный в свое время «Рокфор» или настойчиво предлагаемый супермаркетами так называемый сырный продукт – бывает только там, где любителя этого сыра поджидает засада.

Да, к сожалению, любимая всеми халява не любит работать одна – а только в связке с со своими напарниками, так ненавидимыми славянскими народами: обломом и западлом.

Дело в том, что тренеру Жаворонкова, предприимчивому Мацоканову, аналогичная идея с диуретиками тоже, очевидно, пришла в голову. Иначе объяснить появление Жаворонкова в финале я не смог.

Стоя на татами, я лихорадочно оценивал соперника. Почему-то я был уверен, что дальше полуфинала Жаворонков не пройдет. И ошибся.

Жаворонков не спешил с нападением. Он неуклюже топтался, словно выбирая себе удобное место. Я осторожно двинулся вперед. Здоровяк засопел, и едва я подошел на подходящую дистанцию, сделал удар ногой вперед, способный, наверное, сбить с ног быка. Я слегка отклонился и быстро сделал подшаг вперед, почти вплотную к толстяку. Мне был понятен нехитрый маневр противника. Разглядев худошавого оппонента и решив, что перед ним неопасный противник, Роман решил не церемониться. Вполне логичная мысль о том, что тот может быть крепким орешком, ежели смог пройти в финал, у Жаворонкова, очевидно, не возникла...

Я сразу понял, что свалить одним ударом этого бегемота нечего и надеяться! Вымотать тоже – ведь Жаворонков все время стоит. И судя по предыдущим боям – бегать не намерен. Спасало то, что Жаворонкову прямая дорога была в сумо, а не в таеквондо – стиль, где чуть ли не девяносто процентов ударов приходится на ноги, а они у Жаворонкова были слишком уж медленными.

Короче, подступив, я схватил Романа за бедро, ногой зафиксировал подъем ноги противника, и изо всех сил толкнул плечом в корпус Жаворонкова. Несмотря на всю свою несокрушимость, тот начал заваливаться назад, хватаясь руками за воздух.

И уже в падении я добавил ему кулаком в челюсть. Благодаря накладкам, я не разбил руку, а Жаворонков – остался с целой челюстью. Капы вылетели и брызнула кровь. Жаворонков рухнул с грохотом, словно библиотечный шкаф. Увы, и к счастью, препараты для формирования и обработки умных мыслей для Жаворонковых еще не изобретены.

– Сун! – провозгласил рефери.

Я закрыл глаза.

...Домой возвращались не спеша. После соревнований сперва заехали в зал, бросили вещи, а потом на голосование было вынесено предложение отметить победу. Однако я сразу запротестовал, мотивируя это тем, что завтра на прием к мэру Короткову – просить деньги. Да и честно говоря, не очень-то я и люблю такого рода мероприятия, поэтому был рад любому поводу слинять. Палыч и Димка меня поддержали, и поэтому решили остановиться на пиве. Пиво – это ничего, это можно. И Вовка, обладатель белого пояса, самый младший, рванул в магазин.

Выпили и стали расходиться. Я, Палыч, Димка и еще один парень – Валерка, шли вместе, обсуждая завтрашнее мероприятие. Пройдя несколько кварталов, остановились, пожали друг другу руки – Палычу и Валерке дальше было с нами не по пути.

– Смотри, завтра в полдесятого – на входе в исполком – напутствовал меня Хохлов. Какой умный! А отдых?

– Когда же я буду высыпаться? – крикнул я издали. Палыч погрозил кулаком.

– Может, еще по пиву? – Димка многозначительно показал на киоск, мимо которого они проходили.

– Не возражаю – я полез за деньгами. Взяли еще по литру. Я открыл зашипевшую бутылку и приложился к горлышку. Перед глазами слегка плыло. Сказывалась усталость, голод (завтрак рано утром) и впечатления от соревнований.

Нет, до конца мне ее не осилить...

– Я уже все, поплыл, – сообщил я Димке, пытаясь с двух шагов попасть бутылкой в урну. К счастью, попал. Ненавижу поднимать упавшее и не попавшее. И менты вдруг...

– Да я тоже готов – ответил он, и так как ларек был на перекрестке, где нужно было сворачивать, протянул руку на прощание. – Удачи. Еще раз поздравляю, и смотри не опаздывай – крестный ждать будет. Пока. – И Димка исчез.

«И этот туда же» – недовольно подумал я, шагая по улице. Чего они так носятся с этим мэром? Не получится – и хрен с ним, найдем другого спонсора. Затем мысли переключились на поездку. Китайское турне было задумано давно, какой-то старый знакомый Палыча по спортивной линии жил там и все приглашал приехать, но слишком уж накладно по деньгам выходило. Теперь же реальная возможность появлялась, поскольку сегодняшняя победа давала шанс обратить на себя внимание. К тому же знакомый клятвенно обещал помочь устроить недолговременное, правда, проживание в самом настоящем буддистском монастыре, где монахов с детского возраста обучали боевым искусствам.

И как обучали!

А неплохо бы там пожить и кое-чему поучиться! По крайней мере, таких Жаворонковых бы на раз-два, как орехи!

Пылкое воображение уже рисовало мне выгоды пребывания в монастыре. Да, стоящая вещь, если, конечно, выгорит. Завтра вывернемся наизнанку, а деньги достанем!

Рассуждая так, я шел через парк. Уже стемнело, и кое-где зажглись фонари. Кое-где, потому что на «езде» очевидно, мэру денег не хватило. Наверное, отложили на поездку команде... Значит, нам больше будет.

Впереди, на двух сдвинутых лавках, всплыли тени. Подойдя ближе, я увидел компанию подростков. Слышно было шум голосов и надоевшие пищалки мобильных телефонов.

Я думал о завтрашнем дне, проходя мимо, и крик какой-то девицы «Не трогай меня, козел, слышишь?!» привлек мое внимание.

Я бы никогда не вмешался не в свои дела – сами орут – сами и разберутся, но гремучая смесь алкоголя и сегодняшней победы заставила меня изменить курс и сделать то, чего я никогда бы не сделал: подойти к скамейке и выдать стандартную фразу развязки конфликта: – Ребята, у вас проблемы? Может, разберемся?

Девица замолкла, а ребята – человек восемь, как-то быстро меня обступили.

Проблемы? – вкрадчиво переспросил некто, несмотря на закон о запрете курения, держащий в зубах сигарету, и судя по виду, младше меня самого на десяток лет. Судя по количеству бутылок вокруг и виду подростков, они тоже не прочь были почувствовать себя непобедимыми бойцами.

Почему-то я решил, что этот с сигаретой является причиной крика и заодно организатором всей компании.

Малолетка старательно затаился и наклонившись вперед, подчеркнуто спокойно выпустил дым мне в лицо.

Я почувствовал себя Терминатором, зашедшим в бар за одеждой. Теперь оставалось только ее попросить.

– Ты знаешь, что такое хорошие манеры, дружище? – обратился ко мне главный. – Если не знаешь, мы сейчас тебя научим...

Сейчас на дворе не девяносто пятый год, славные времена рэкета и гопников, на нож никто никого не сажает, и я не боялся. Хотя, не будь организм перегружен двумя литрами пива, я в жизни не совершил бы подобной глупости!

Я хмыкнул, и слегка повернувшись боком, легко поднял ногу на уровень лба противника. Как частенько это любил проделывать Ван Дамм. Тот самый, который Жан-Клод.

Так как мы были примерно одного роста, со стороны это выглядело довольно-таки эффектно. Тот, очевидно, не ожидал подобного, поэтому замолчал.

Я описал ногой красивый полукруг и легким движением попробовал выбить сигарету изо рта заводилы. Этот номер мной отработывался неоднократно, и на показательных выступлениях приемчик смотрелся замечательно.

Но, понадеявшись на свое умение, я совершенно не взял в расчет темноту, усталость и алкоголь и выпустил из виду, что сейчас подобные штучки не производят такого впечатления на публику, как в том же девяносто пятом, когда каждый пацан писал кипятком от боевиков, наводнивших страну постперестроечного периода, и плакаты с Ван Даммом продавались на каждом углу.

В общем, то ли я не рассчитал, то ли помешала ветровка, застегнутая на «молнию» ниже пояса, но вместо красивого выбивания сигареты мой ботинок расплющил ее прямо о губы противника и вдобавок выпачкал тому лицо. Отпрянув, босс малолеток замычал.

Ровно секунду я осмысливал происходящее, после чего один из стоявших рядом резко залепил мне прямо в глаз. Верно говорят, коллективом и родителя лупцуют! Боль обожгла лицо, и я быстренько протрезвел. Другой, справа тоже попытался нанести удар, но тут я не сплеховал: успел поставить блок. Я не мог похвастаться тем, что бывал в настоящих драках, и честно говоря, такого поворота не ожидал. Окружающие зашевелились, принимая разные угрожающие позы.

На ум тотчас пришли слова Палыча: «Если противников трое или больше, убегайте! Врачам будет глубоко насрать на ваш патриотизм, он только добавит им работы».

Так как пацанов, готовых к самым решительным действиям, было значительно больше, пора было отступать. Конечно, как вариант, можно было упасть на колени, извиниться и получить порцию оплеух, но мне такой финал решительно не нравился.

Будь противников один-два, ну максимум три, будь я в форме, тогда можно было бы склонить чашу весов в свою сторону, а так... Только в фильмах главный герой круто мочит врагов, а остальные послушно ждут своей очереди. В настоящей драке Ван Дамму мигом снесут голову, и не помогут ему ни богатый опыт тренировок, ни растяжка, ни авторитет.

С другой стороны, зачем тогда тренировки, если появляется ряд ограничивающих условий? Хотя эти условия возникают все время, и постоянно мешают жить...

Резко ударив нападавшего ногой в живот, (а не в голову, как хотелось), толкнув его вперед, то есть, почти повторив прием с Ромой Жаворонковым, и сбив его с ног, я перепрыгнул через поверженного и круто рванул с места. Следом с шумом бросились остальные, желающие попробовать на вкус чемпиона области по контактному таеквондо.

Сразу оторвавшись от преследователей, и наглядно продемонстрировав, чем отличается любитель от профессионала (сказались тренировки), я подбежал к невысокому, по грудь высокой заборчику и ловко перемахнул через него. Остальные, матерясь, лезли следом. Один особо одаренный вырвался вперед и сократив разрыв, метнул вслед недопитую бутылку. Бутылка

больно ударила меня в правую лопатку и облила какой-то жидкостью, судя по запаху – опять пиво.

Взвыв от боли, я развернулся назад и бросился навстречу бросавшему. Тот попытался затормозить, но было поздно: он сам налетел на кулак носом. Послышался всхлип и пацан завалился назад. Я повернулся и бросился бежать.

...Подойдя к подъезду, я огляделся – вокруг никого не было, погоня тоже давно отстала, и вошел внутрь.

Зайдя в лифт, я нажал на седьмой, и устало привалился к стене. Надпись, сделанная вандалами на стене напротив гласила, что некий Серик – король ринга. Несколько секунд я вдумчиво созерцал ее. Потом выругался.

Чемпион, твою мать! В Китай ехать уже не хотелось, и в монастыре жить тоже. Весь кайф от победы на соревнованиях прошел, спина и лицо болели, на душе было противно.

Зайдя в квартиру, я не разуваясь, подошел к зеркалу. Под глазом наливался огромный фингал. Мрачно обзрев синяк, я принялся стаскивать куртку. Она была вся подтеках и воняла пивом. Мыть ее не хотелось – не было настроения.

– Ага, разобрался, – сообщил я неизвестно кому и повесил куртку на вешалку. Потом прошел на кухню и выпил холодной воды из-под крана. Есть уже тоже не хотелось.

– Решил проблемы, – бормотал я под нос, раздеваясь – поучил детишек уму-разуму, чемпион хренов!

Коротко звякнул мобильник – пришла SMS-ка. Я взял телефон в руки. От Димки: «Спокойной ночи, черный пояс».

Чемпион области по контактному таеквондо громко выматерился.

III

«Опель» летел по трассе. Не выспавшийся Димка вел машину, мрачно глядя на дорогу. Ему идея с поездкой в Кольцово не очень нравилась, и теперь он ругал себя за то, что вчера не смог отказаться от этого чертового расследования.

Павел, напротив был свеж и полон сил. Рано встав, он पहले всех собрался и нетерпеливо ждал отъезда.

Развалившийся на заднем сиденье Голубых был полностью погружен в размышления. Вчера, или вернее, сегодня ночью, не в силах заснуть, он прошел на кухню выпить на сон грядущий чаю и заодно полистать материалы дела, так сказать, для общего развития. Когда все документы были перечитаны еще раз, и выпиты две чашки, Миша вспомнил о ноутбуке. Но компьютер Павел уже отнес обратно к себе в комнату. Вздохнув, Миша огляделся по сторонам. Спать ему не хотелось, а занять себя было решительно нечем. Взгляд его упал на лежавшую на подоконнике пачку газет. Миша потянулся за ними, и рука его наткнулась на огромную лупу в оправе, точь-в-точь, как у Шерлока Холмса. Очевидно, Клавдия Александровна пользовалась ею в качестве очков.

Повертев увеличительное стекло в руках, Миша достал из папки пакетик с пулей, той самой, которую патологоанатом извлек из груди самоубийцы.

Аккуратно сжав сильными пальцами комочек металла, Голубых внимательно посмотрел на него в лупу. Девять человек из десяти, попадись им в руки нечто подобное, вряд ли смогли бы определить, с чем имеют дело. На первый взгляд, пуля, или вернее, то, что от нее осталось, напоминала бутон розы с сильно обвисшими лепестками. Или гребной винт с загнутыми назад лопастями.

Пару раз в жизни Михаилу приходилось сталкиваться с подобным. Первый раз в восьмидесяти пятом, в Афгане, когда сержант Голубых и четверо зеленых пацанов нарвались на сурприз в каком-то Богом забытом кишлаке. Когда Валька Перельман подошел к трем сидящим в тени каменного забора старухам, надеясь купить или выпросить у них стакан козьего молока.

Когда одна из старух откинула платок и оказалась бородатым духом, который с быстротой молнии провел Вальке по горлу чем-то металлическим, и так ловко отдернул руку, что на одежду ни попало ни капли крови. Когда из-за угла внезапно появились перекошенные рожи, с горящими от ненависти глазами и начали стрелять. И когда Миша и еще один дед, Сережка Завадский, успели схватить АКМы и поведя огонь короткими очередями, заставили боевиков на время спрятаться.

Мишу отстраненно наблюдал со стороны, как кто-то внутри него, непрерывно крича, поливает огнем еще стоявшего Вальку, корчившихся от попадавших в них пуль старух, и духа. Лицо душмана закрывало Валькино тело, и тот неизвестный, который был в Мишином теле, стрелял, с любопытством ожидая, когда же Валька упадет, чтобы рассмотреть лицо боевика без помех.

Откуда-то справа раздался выстрел. Вопреки всем лекциям старших, непрестанно твердивших о том, что в подобных ситуациях паника – это верная смерть, Мишу спасла именно паника. Новенький, неделю назад прибывший пацан – Миша даже не мог вспомнить, как его зовут, помнил только, что он откуда-то из-под Краснодара, бросился в сторону, очевидно желая упасть под откос дороги, а может, ему просто сорвало крышу – неизвестно, и этим спас своего сержанта.

Именно в эту долю секунды парнишка очутился на линии огня, и пуля, которой в отличие от посылавшего ее, было все равно, куда лететь, лизнув защитного цвета штаны, мягко вошла в бедро.

Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы вдалеке не послышался шум вертушки. То ли плановый облет, то ли случайность – нападавшие исчезли, если не считать расстрелянного духа в женском платье.

Из пяти уцелело трое – Миша, Завадский и раненый в ногу пацан. Когда его тащили обратно, он так страшно кричал, что старшие не могли понять, то ли у него такой низкий болевой порог, то ли это последствия шока.

Новенький умер на полдороге к расположению. Хирург, майор Власенко на вопрос Сереги, мол, разве от ран в ногу умирают, вздохнул:

– От обычных почти нет. А это, хлопцы, страшная штука – он протянул закрученный комочек. – Она, падла, в мочевом сидела.

Миша покрутил головой, отгоняя воспоминания. Второй случай был в Чечне. Когда Мишу, и еще пару ребят из Конторы отправили для участия в переговорах. Озлобленные против местных русские откуда-то раздобыли запрещенные Гаагской Конвенцией, не позволявшей использовать подписавшим ее странами, разрывные пули. Однако, как Миша помнил, действие Конвенции не распространялось на использование таких патронов гражданскими лицами.

Используя их, главное было – не промахнуться, а куда попадешь – дело десятое. Пули действовали безотказно и беспощадно. Попадание в любую точку тела давало стопроцентный эффект. Они часто убивали, как правило, калечили, и всегда – останавливали. Люди выходили из строя, словно в старой компьютерной игре, когда достаточно просто попасть в противника, неважно, куда именно.

Действуя этими зверскими методами, солдаты словно рассчитывались за ту жестокость, с которой им ранее пришлось столкнуться. Что интересно, выходные отверстия на телах погибших практически не встречались.

Да, – подумал Миша, – сначала мы совершенствуем оружие, потом запрещаем его ввиду чрезмерной жестокости, а потом нарушаем запреты, чтобы не допустить этой самой жестокости... Это ж вдуматься только! Жестокое оружие! Надо же. Хотя, во все времена, самым страшным оружием была, есть и будет ручка, или карандаш. От расчетов и подписей погибает куда больше народу, чем от всех пуль, снарядов и гранат, вместе взятых!

Он прищурился. Из-за закрученного лепестка что-то виднелось. Порывшись в ящике стола, Миша выбрал столовый нож и попытался поддеть краешек. Со второй попытки ему это удалось. Отогнув лепесток, затем второй, Миша рассмотрел нечто, больше всего напоминающее маленький, размером меньше спичечной головки, кусочек угля. Острием ножа Миша попробовал его пошевелить. Уголек сидел намертво, словно был вплавлен в пулю.

Голубых встал под люстрой, чтобы свет падал лучше. Увы, толку стало ненамного больше.

– Лупу бы посильнее, – пробормотал Миша. Он ненадолго задумался. – Ладно, мы пойдем другим путем.

Он достал из кармана мобильный телефон. Настоящий «НТС», дорогая штатовская сборка, не чета китайским игрушкам. Выпал хороший шанс проверить, насколько соответствует камера заявленным производителем двенадцати мегапикселям.

Голубых аккуратно отогнул еще пару зубцов. Установив пулю на крышку сахарницы, он покопался в настройках телефона, добиваясь максимального качества, и несколько раз сфотографировал ее с разных ракурсов.

Выбрав наиболее подходящий снимок, Миша стал увеличивать его масштаб. Единственное, что он смог рассмотреть дополнительно, это три правильные грани и отполированные стороны уголька, словно в пуле находился драгоценный камень.

Ничего подобного Миша не встречал. Ему показалось, что помимо всего прочего – по останкам это сложно установить, по крайней мере, навскидку, пуля сама по себе была нестандартной, не массового производства.

Интересно! Нужно было проконсультироваться со знающими людьми, по приезде домой надо не забыть.

Сейчас, сидя в машине, Миша не спеша листал фотографии. С ребятами делиться открытием он не торопился. Пулю нужно изучить получше.

– Слышь, Паша, – тронул он за плечо Колесниченко-младшего.

– А? – с готовностью откликнулся тот.

– Ты не мог бы на некоторое время одолжить мне пулю? Разрывную? Хочу показать ее кое-кому, чтобы определить, откуда стреляли. Может, получится выйти на убитого с другой стороны, – немного покривил душой Голубых.

– Дело-то закрыто, конечно, – неуверенно отозвался Павел, – но вещдок... А что я на работе скажу, если вдруг проверять будут?

– Скажешь, в металлолом сдал – буркнул Димка, – а на выручку купил новый сканер.

– Как бы меня самого в металлолом не сдали!

– Но ведь в деле нет никаких фотографий пули, кроме тех, что ты сам делал – возразил Голубых. – Подложить надо другую пулю и нет проблем.

– А где ее взять, пулю? – пробормотал Павел, разглядывая ногти. – Это легко сказать...

– А если будет пуля? – спросил Голубых, не надеясь на такую легкую победу.

– Если будет... Если будет – пожалуйста, но с возвратом.

Миша огляделся. Трасса была пуста. Он наклонился вперед, вглядываясь в дорогу. Когда вдалеке показался километровый столб, он тронул Димку за плечо:

– Тормозни возле того столба.

Димка не удивившись, выполнил просьбу.

– Я сейчас, – сообщил Михаил и вылез из машины.

Став от столба метрах в двух, Миша еще раз осмотрелся, вынул из кармана пистолет и выстрелил в столб.

Колесниченко-младший подскочил в машине до потолка.

Миша подошел к столбу и ключом выковырял застрявшую пулю. Сплюснутый комочек мало походил на перекрученную розу.

Миша вернулся к машине, сел и хлопнул водителя по плечу.

Димка резко рванул с места.

– Я думал, ты отлить хочешь, а... – он глянул на младшего – а похоже, что это он отлил...

Павел открывал рот, точно рыба, которую только что сняли с крючка.

– Держи! – протянул ему пулю Миша.

* * *

Проснувшись, я долго лежал в постели. Утро как утро. В такое утро кто-то идет на работу, кто-то собирается ехать на дачу, а кто-то – в исполком, просить денег. Интересно, почему у нас в команде подобрались все, как на подбор, как сейчас говорят, ниже среднего класса? Ни одного богача? Который дал бы нам... Тьфу, какое слово – дал! С какой радости нам кто-то должен что-то давать?

Сейчас есть новое слово – спонсировать. Просить тоже конечно, унижительно, но ведь обращаемся к какой-никакой, но власти! Вот пусть и помогут! Подумаешь, лишний раз не съездят в Париж, или туфли фирменные не купят! Хотя, может я и несправедлив по отношению к мэру, он ведь пришел совсем недавно! Но, как говорится в старом анекдоте: осадочек-то остался!

Какое счастье в будний день не идти на работу, тем более, в таком виде! Когда палитра не соответствует!

Общество с ограниченной ответственностью «Рембрандт», где я четвертый год изволил состоять дизайнером, милостиво отпустило меня в двухнедельный отпуск, с высочайшего позволения дражайшей Светланы Михайловны – госпожи директора, необъятной нашей повелительницы.

Нет, в принципе, Светлана баба неплохая, но этот отпуск имел место быть вовсе не потому, что она в восторге от моей рукопашной техники. Просто к июлю всегда падают заказы. Таким образом, госпожа поступила весьма мудро, несмотря на то, что блондинка: благословив, отпустила меня на соревнования и сэкономила рабочее время. Это потом, к Новому Году, попробуй хоть на день отпросись: даже с переломом позвоночника будешь работать.

Привезут на каталке, установят рядом компьютер – и вперед! Чтобы работать мышкой достаточно одного глаза и одной руки. Ну и головы, конечно. Но она по определению, не должна пострадать – иначе повезут напрямик в... другое место.

Кстати, года полтора назад примерно так и было. Светка-младшая – девчонка из отдела, сломала на катке ногу – вот вам явное доказательство непригодности современного поколения к трудностям. Искусственные катки, искусственный лед и искусственные катальщики. Раньше кататься умели все – и никто ничего не ломал! Ну, по крайней мере, так часто и в таких масштабах!

Так вот, сломала Света ногу в субботу, вечером гипс наложили. Сломала где-то в районе щиколотки, и сама перемещаться могла вполне. Короче говоря, в понедельник ей позвонила Света-большая (не только в смысле должности) и ласково, но твердо предупредила, чтобы завтра та была на работе. И та завтра была на работе. Что это – разновидность начальственного садизма?

Не знаю, так как Светлана, даже с температурой под сорок, пару раз приползала на работу и сверкая воспаленными глазами и красным растертым носом, гундосила команды. А в другой раз я сам был свидетелем, как Кристина из приемной подливала из электрочайника горячую воду в тазик для цветов, поелику туда были погружены божественные ноги директрисы.

Так что и требует, и сама подает пример.

Ну, в общем-то, справедливо. С другой стороны, директор, он же соучредитель – лицо куда более заинтересованное, нежели рядовой дизайнер, получающий в конверте премию...

Но соревнования – это полдела. И чемпионат китайский – аж в следующем году. Еще дожить надо. Дадут или не дадут денег – под вопросом. Скорее всего, как это у нас водится – пообещают, до событий-то почти год! А там – туда-сюда, инфляция, бюджет, форс-мажор – и в Китай придется идти пешком.

Но я на это особо не ориентировался. И насчет того, что думать ни о чем другом, кроме поездки не мог, немножко преувеличил...

У меня была другая цель. Машина! Личный автомобиль. Собственный автотранспорт. Престиж, так сказать, и статус. Самый главный вопрос, конечно, в деньгах. Поэтому я польстился на китайский автопром. А как же! И соревнования в Китае, и машина оттуда. Многие злобные скептики при деньгах и без оных сейчас же начнут кричать, мол, Китай, подделки, хлам и все такое, китаец продал душу дьяволу и она через неделю сломалась... Это да. Но отчасти. В принципе. Но вот если хорошо изучить вопрос...

Автомобили китайские компании делают продукцию тремя, так сказать, потоками. Это я имею ввиду известные марки – «Чери», «Джили» и так далее. Первый, основной – на экспорт. В страны третьего мира. Нам, короче. Второй – на экспорт в Европу. Туда, где требования покруче и население себя больше уважает. И третий – для себя. Для китайцев, то есть. Автомобиль «Чери Истар», на который я положил глаз, показывали в передаче о Китае. Как там на нем прыгает по китайским дорогам, через ямы и канавы китайская полиция в погоне за китайскими бандитами, укравшими в Китае китайские же товары. И, между прочим, прыгает, как надо. Как танк Т-90. Совсем не сравнить с краш-тестами в Интернете, когда на скорости сорок километров в час такая машина бьется о стену и превращается в гармошку. Или в аналогичный меховой музыкальный инструмент китайского производства.

Короче, то, что у нас в магазинах для нас, это совсем не то, что у них в магазинах для них. А большая-пребольшая разница.

Ну вот. Товарищ обещал посодействовать и пригнать такую машинку из Китая. Самую ту. Не новую, правда, а годовалую, но тем лучше: все возможные проблемы уже ликвидированы, и не будет неприятных сюрпризов в виде неожиданного отказа датчиков или блокировки компьютера. Смущает, конечно, то, что машина не с нуля, а чья-то. С другой стороны, она числилась в ихней госструктуре, а потом по ряду причин – списана. Не потому, что брак, а... так надо. Значит, все-таки ничья? И я буду первым, так сказать, полноценным хозяином. Существовал еще ряд проблем: оформление, перепрошивка компьютера под русскоязычное население. Хоть мы и живем на Украине, но восток – это Восток. Больше восьмидесяти процентов населения разговаривает на русском. Я – в их числе.

В общем, завтра-послезавтра машина прибывает в город, еще день-два на оформление документов, и – перепрошивка.

День-два – потому что Светлана обещала помочь. А связи у нее неплохие. Умеет тетка держать нос по ветру. Где надо скидку даст, где-то бесплатно сделает, а где-то и зависит – для отката. Короче, все местные службы и органы нас любили. В хорошем смысле слова. Решали вопросы, получали денежки. Так и жили. Зато проверки к нам практически не ходили. Я, по крайней мере, не помню. Ни налоговая, ни УБЕП, ни прочие упыри.

Так что подвожу итог: уважаемый дизайнер престижной фирмы должен ездить на хорошей машине. А что, Е-класс, это салон как у «Волги» размером, кожаный между прочим! Люк, парктроник, датчики света, дождя и так далее. Конечно, с «Мерседесом» или «Лексусом» не сравнить, так ведь все в жизни относительно!

Все дело в приоритетах, – любила повторять знакомая предподша из универа. Остается решить ручная коробка, или автомат? С ручной меньше геморроя, расход горючего меньше и вообще...

С автоматом – всего две педали, расход больше, правда автомобиль мягче идет, но зато его нельзя толкать, если заглохнет. Что же выбрать?

Впрочем, к чему это я? Так, умничаю, для удовольствия! Машина-то уже придет с коробкой-автоматом. Так что все, выбор сделан.

А то что Китай... В той же передаче, кстати, показывали одну девочку. Лет десяти-двенадцати. Она хорошо занималась гимнастикой или акробатикой, чем-то подобным, короче, и ее перевели в интернат. Спецшколу. Чтобы она не тратила времени на дорогу домой и так далее, и могла готовиться к какому-то там чемпионату.

Как я, в общем.

Вот показывают ее комнату. Или палату, не знаю, как назвать. Тесная каморка, три на пять, там восемь кроватей. По две двухэтажные вдоль стен. Не вздохнуть, ни... выдохнуть. И эта девочка рассказывает, как она живет, как проходят ее занятия и все такое. И как она рада, что страна остановила выбор на ней, и как она (девочка) сделает все возможное, чтобы оправдать доверие своего (!) Китая и так далее и в том же духе.

Потом показывают ее родителей. Дома. Вполне ничего себе приличненькая квартирка, большая. И папа с гордостью говорит прямо в камеру, о том, как они горды и счастливы, что их дочери выпала честь представлять страну на соревнованиях. И показывает алтарь имени этой девочки. Портрет, надписи-иероглифы, палочки курительные – все в буддийском духе, как в кино.

И все это на полном серьезе.

Вам смешно? Мне – нет. Я смотрел и глубоко в душе завидовал. Чему – и сам не знал. Но – завидовал. Вот это Дух Патриотизма! А мы – братья-славяне смеемся над ними: все китайское, узкоглазые, завоюют мир. То есть, говорим правду, но – с саркастической ухмылкой. Словно сидим высоко наверху, и снисходительно взираем на этот дисциплинированный трудолюбивый народ.

Правильно сказано в заповедях – гордыня грех. От себя добавлю – тайный. В глубине души мы все себя считаем не такими, как другие. И, как правило, лучше. И никогда не признаемся в этом другим. Мы достойнее, умнее, лучше... Но если чего-то не срастается, всегда находим объяснение, почему у Иванова получается, а у меня – нет. Объяснения самые разные. От простых – ему просто повезло, до сложных – у него папа начальник, а у мамы богатые родственнички.

Ладно, это я отвлекся. Вставать-то надо. Вот всегда – только-только мысль пойдет, нужно куда-то идти... Ах да, исполком.

Короче, я встал, привел себя в порядок. Под глазом удобно расположился огромный синячище. Вот интересно, почему ударили в глаз, а синяк – под ним? Впрочем, чемпиону не зазорно быть меченым. Вот и афоризм в тему: добро должно быть с кулаками, а чемпионы – с синяками. Актуально, не правда ли? В свете вчерашних вечерних событий.

Зазвонил телефон. Димка. Я не стал отвечать, сунул трубу в карман и вышел на площадку.

Встретились мы под зданием исполкома. Я, Палыч и Димка.

Интересно, что конторы, которые должны помогать другим, то бишь, давать деньги, почему-то всегда самые бедные. Ну нет у них средств, они же финансы, для нужд населения! Все, понимаешь, раздали!

Но зато удивительным образом в зданиях и кабинетах подобных контор сделан такой ремонт, что туда можно ходить на экскурсии. Если пустят. Спроси: откуда бабки? Скажут спокойно: дык, спонсоры. Или скромненько: государство выделило. И все довольны. И мы тоже довольны.

Ведь гораздо важнее, чтобы пришедшая подписать справку бабушка сидела на удобном, мягком диванчике, в нормальном красивом помещении с хорошим кондиционером, куда дизайнер вложил душу, чем на жесткой лавке в коридоре с небрежно побеленными стенами!

Она, эта бабушка, смотрит вокруг, и получает эстетическое удовольствие, переходящее в наслаждение, которое, как известно, уже граничит с экстазом.

Мелочь, а приятно!

Взять, к примеру какой-то праздник, да хоть бы и Девятое мая. Великий праздник, никто спорить не будет.

Власть скромно, с трудом сдерживая гордость, выдает ветеранам по бутылочке водки и пакету гречки (естественно тем, кто есть в списках. А там есть немного. Зато полно мертвых душ, в несомненной пользе которых старик Гоголь не ошибся), потом проведет для себя и зрителей митинг. Ну правильно, просто так отдать, из рук в руки – это глупость. Особенно если сравнить затраты на организацию митинга и стоимость подарков. Фактически, естественно.

А вечером – салют. Нормальный салют стоит – пять-десять тысяч баксов. Плюс откаты. Старенькие ветераны сидят дома, и слушают, как грохочут выстрелы. Некоторые из тех, кто еще может передвигаться, сами или с детьми, придут на площадь.

Если повезет, присядут на турникеты (бордюры, поребрики). Если очень повезет – молодежь уступит грязные затоптанные скамейки.

Если не повезет – будут стоять. Если очень не повезет – упадут. Если в этом случае повезет – поднимут, доведут до дежурившей «скорой». Или затопчут.

Бух! Головы задраны, крики, вопли, свист. Верещит сигнализация припаркованных в запрещенных местах автомобилей. Восторг, экстаз. Первый раз в жизни дикари узрели консервную банку.

Щедрая власть кормит стадо зрелищами. И стадо с радостью внимает ее ласковым подачкам.

А ветераны – где-то там, в толпе. Несколько крупинок золота в горсти песка...

Но зато – салют в честь Дня Победы!

Оно им надо? Крыша течет, нет денег на хлеб, на лекарства, долги по квартплате, нет возможности съездить в санаторий. Они четыре года лежали в грязи, ползли по воде, умирали от жажды, мучились от голода, болезней и это – рядом с врагом.

Согласитесь, это несколько труднее, чем сегодня при ОРЗ не пойти на работу.

Короче, лили они свою кровь для того, чтобы одно государство обеспечило им ордена, любовь и уважение окружающих, а другое – салют под халявный кулеш и двести грамм водки раз в год.

Самое то, учитывая их возраст и хронические заболевания.

Но что ж поделаешь, ветераны – это не ставка в предвыборных кампаниях. Это дань традиции, возможность отмыть деньги, прикрыть для себя, оружие для оппонентов, лишний опорный рычаг, в конце концов.

А старики верят, что кому-то нужны. Как же – это все для них! И салют, и митинг!

Но почему это только раз в году, и то – для окружающих?

Потому что – власть!

Я сплюнул.

– Откуда? – Палыч пожал мне руку, указывая на синяк.

Я пожал плечами.

– Ты же вроде не пропускал? – удивился Димка. – Или пропускал?

Я неопределенно мотнул головой, что должно было означать нечто среднее.

– И как теперь в таком виде? – обеспокоился Димка.

– Да молча. У кого есть синяк – те идут впереди. Кому не хватило – жалко плетутся сзади. Ясно? – съязвил я.

Палыч хмыкнул.

Да, видок у меня, должно быть еще тот. Костюм был приготовлен с вечера. А говорят, что заранее готовиться – плохая примета. Вот и подтвердилось. Костюм и галстук – это конечно,

хорошо. Но вот то, что с синяком они совершенно не гармонируют, я понял, пройдя три четверти дороги.

В строгом костюме и с подбитым глазом, я был похож на менеджера средней руки, у которого отняли барсетку с деньгами и мобильный телефон впридачу. Ибо спортсмены моего возраста – редкость.

Надо, надо было одевать джинсы и куртку. Но теперь поздно.

– Хрен с тобой, пошли! – И Димка уверенно потянул на себя тяжелую дверь.

– Хрен с тобой! – сказал я, толкая тяжелую дверь, через час выходя на улицу.

В принципе, я не ошибся. Мало того, в назначенное время нас не приняли, так и мэра не оказалось на месте. Так сказала его секретарша. Существо с минимумом... нет, не мозгов, а чувства такта.

Короче, принял нас Соколов, начальник управления физкультуры и спорта. Я его часто видел по телевизору. И вживую. Он часто трется на более-менее значимых соревнованиях. Вчера, кстати, он и вручал мне жестяную медальку... Вроде и неплохой мужик, но ничего не решает. В том числе, к сожалению, в области физкультуры и спорта.

Но кабинетик у него ничего. Самое то, для управления физической культуры. Плазма, ноутбук, бар. Кожаная мебель, стол из настоящего дерева, а не жалкого подобию из древесно-стружечных пластин. Ворсистый ковер на полу. Ах да, совсем забыл: на полке ряд кубков и грамот, и дань физкультуре – блестящая гантель в углу.

Если такой кабинет у начальника управления спорта, какой тогда у мэра? Я не бывал в кабинетах у мэров, но шестым чувством догадался, что у мэра кабинет чуточку лучше. Может, даже не один. Но это понятно. Они же всего-навсего слуги народа.

Пусть хоть отремонтированные кабинеты будут им утешением.

После обмена приветствиями и формальными поздравлениями чемпиона (я сразу вспомнил парк), Палыч взял слово и коротко, за минуту, изложил суть проблемы.

На мой взгляд, неплохо. Он даже пару раз толкнул избитые фразы насчет престижа области и города, воспитания нового поколения и пропаганды здоровья.

Когда он говорил насчет здоровья, Соколов согласно кивал и рассеяно постукивал по необъятному столу пачкой дорогих коричневых сигарет.

Мы с умным видом молчали.

Когда Палыч закончил, начальник уверил его, что он с этим абсолютно согласен, и мэр тоже.

Хм, значит, мэр нас сейчас слышит? Я даже хотел было спросить об этом.

А что, раненому в голову чемпиону это простительно.

Неприятно дергая шеей, Соколов уверил, что к следующей сессии он подготовит необходимые документы. И если депутаты не будут возражать, а они возражать не будут (ну еще бы, мэр-то с нами согласен!), в бюджет внесут поправки, и тысяч пятьдесят-шестьдесят гривен нам выделят.

Все зависит от депутатов. Мэр-то что, он ничего не решает, вся власть в руках депутатского корпуса.

Палыч согласно кивал. Димка гордо поглядывал на меня. И чего он пучится, придурок? Кто обещал встречу с мэром?

Крестного тоже, кстати, мы так и не увидели.

Короче, порешили на том, что недельки через три Палыч наведается и осмотрится, что к чему.

Мы попрощались, при этом Соколов сказал что-то восторженно-напутственное, а я ему чего-то идеологически-выдержанное.

А потом мы вышли на улицу.

– Деньги будут! – важно сказал Димка.

– Надежда теплится – согласился Палыч.

– Хрена с два, – высказал я предположение.

– А ты чего недовольный? – обратился он ко мне.

Я недовольный? Да с чего он взял! Озабоченный, да. Вообще-то мои мысли хоть и были заняты Китаем, но не тем, как туда попасть, а тем, что оттуда должно приехать.

– Не знаю, – промямлил я, погладив синяк. – Не особо верится что-то. Посмотрим.

– Да все будет в ажуре – уверил Димка.

– Если откат пообещать, может и будет, – неопределенно пожал плечами Палыч. – Только нам тогда гулькин хрен перепадает.

– Шансы будут, если на страну выйдем – мрачно сказал я. – Но это уж вряд ли... Таеквондо – это Корея, никак не Ки...

– Что за настроение, боец? – сурово оборвал Палыч. – Ну-ка, хватит бздеть!

– Есть хватит бздеть! – согласился я. – А чего мы тут стоим? Может, двинулись?

И мы двинулись.

IV

На поляне, ровно посредине треугольника, образованного центральным входом в дом отдыха, сторожкой и началом тропинки, ведущей в лес, возле того самого памятного деревянного грибка, на потрескавшихся от времени шлакоблоках стояло три улья с недавно подселенными пчелами, которые будут давать лучший в поселке мед.

Учитывая последние события, деятельность производства временно была прекращена, тем более, что милиция зачем-то увезла на экспертизу несколько литров первача и некоторые запчасти из цеха. Впрочем, восстановить их будет несложно. А потом все пойдет по накатанной плоскости. Тем более, рынок сбыта уже налажен, нужно только иногда навещать в поселок и проверять, не появился ли у Бурячихи новый поставщик, что регулярно и выполнялось.

Стояло прекрасное летнее утро. Толик, облаченный в халат и в шлепанцы на босу ногу, изредка поглядывая на сверкающие на запястье часы, благодумствовал на террасе центрального входа, покачиваясь в кресле-качалке и попивая чай из блюдечка. Рядом стоял столик с горячим чайником, треснутой пластмассовой вазой с печеньем, и наполовину наполненной прошлогодним медом миской.

Дела потихоньку шли в гору. Завхоз обувного объединения согласился взять Толика сторожем вместо Константина Михалыча, правда с немного урезанной зарплатой – пятьсот вместо восьмисот гривен. Данная сумма устраивала обоих, тем более, что завхоз договорился с Толиком фифти-фифти (значит, пополам) делить прибыль с уликов, и демонстрируя чистоту намерений, в качестве аванса подарил литровую банку меда.

Это пока три, конечно, а там, если дело пойдет – еще. Учитывая, что в поселке никто не занимался пчелами, пасека Толика должна была принести неплохой навар. А там, глядишь, как поутихнет, туда к осени, можно и производство запускать, тем более, что пчелы в спячку лягут.

Так-то, рука руку моет, а деньги к деньгам идут! Еще с домиками вопрос решится, вообще красота будет! Жалко, конечно, и память, и глаз радует и то, и се, но бизнес есть бизнес. Вот сезон дачников войдет в силу, и Толик с сувенирами тут как тут! Он даже представил, как сделает себе такие визиточки, по типу вот тех разноцветных кредиток, что были спрятаны, и там будет написано: «декоративные украшения, народное творчество. Анатолий». Неплохо бы и мобильник указать, но где ж его взять? Купить, что ли? Но разве для того деньги предназначены, чтобы разбазаривать их направо-налево? Сегодня мобильник, завтра то, послезавтра это – и все, нету денег.

Нет. Деньги счет любят.

Погруженный в приятные размышления, Толик не сразу расслышал шум двигателя, а когда, наконец, поднял голову, увидел резко затормозившую возле него иномарку, с сидящими в ней незнакомыми мужчинами.

Хлопнула задняя дверь, и к Толику шагнул крупный мужчина, фигурой напоминавший штангиста Власова. Одной рукой он вытащил из кармана куртки и засовывал за пояс пистолет, а другой протягивал Толику какие-то документы.

– Служба безопасности Украины, – внушительным голосом твердо сказал незнакомец и пристально поглядел Толику в глаза.

Толик меланхолично вылил чай себе на живот.

* * *

Неделю спустя после всех этих событий я мчался по трассе за рулем собственного автомобиля. На спидометре сто тридцать, двигатель работает ровно, без перебоев. Приоткрыт люк, играет музыка. Красота!

Как и предполагают постулаты рыночной экономики – за все нужно платить. Я заплатил, меня не подвели, и машину я получил без задержки, все, как и планировалось. Это вам не с протянутой рукой «месье, же не ма па сис жур!» в коридорах исполкома.

С оформлением проблем тоже не было. Оставалось одно – привести в порядок бортовой компьютер. Он чего-то писал на отдельно выведенный экран, только я не понимал. Наверное, радовался новому хозяину...

Я давно списался на форуме с другими владельцами «Истаров» и все в один голос, или вернее, в один абзац, стали утверждать, что после прошивки машину будет не узнать. И наперебой стали хвалить какого-то Дениса, корифея китайских бортовиков. Я узнал его номер, и позвонил. Мастер снисходительно согласился уделить мне несколько часов своего времени за очень смешную плату: сто пятьдесят долларов США плюс перевод на русский бесплатно.

Не знаю, чем его так смешила указанная сумма: лично мне было не до смеха. Тем более, что ехать нужно было практически через полстраны – в Киев. Ближе я никого не нашел. Сто пятьдесят баксов плюс столько же, если не больше, на бензин.

Утешала, правда, мысль о том, что после манипуляций гуру автомобиль будет общаться со мной на понятном мне русском, а не на неизвестном кантонском диалекте Поднебесной, причем его аппетиты насчет бензина наоборот, понизятся от нагло-русского «эх, еще!» до корректно-вежливого китайского «спасибо, достаточно». К тому же появлялась весьма неплохая возможность попрактиковаться. Набить, так сказать, руку. Последний раз я немножко водил пару лет назад «бэу» товарища. Так что навыки были, но требовали совершенствования.

В общем, я мчался, повторяю, по трассе и получал удовольствие от нескольких вещей сразу: от быстрой езды, от сознания того, что я теперь уважаемый член общества, имеющий собственное авто, от комфортного салона, от легкого ветерка, и от качественного звука. Положительных факторов было, конечно, больше, но хватит. А то ценность приобретенной покупки как-то теряется на фоне этих моментов.

Сложно было выехать из города и первые десять километров. А потом, после первой остановки, где я покупал воду, все само собой стало на места. Поначалу незнакомый автомобиль как-то потеплел и стал родным, словно я катаюсь на нем уже полжизни. Нет, не катаюсь. Езжу!

Вот я и ехал. Врубил «Diserless» и под знаменитый «Вояж» гордо летел вперед, за прошивкой.

* * *

Оцепенев, Толик смотрел, как из машины выскочил светловолосый молодой человек в темных очках, джинсах и кожаном пиджаке.

– Генеральная прокуратура – представился он, и помахал перед лицом Толика какими-то документами.

Последним из автомобиля вылез паренек со смутно знакомым лицом. Вглядевшись повнимательнее, Толик узнал младшего лейтенанта из районной милиции.

– Добрый день, Зайцев – поздоровался тот.

Толику почудилось, или пчелы зловеще зажуужжали возле своих ульев?

«Все, конец» – обреченно подумал он.

Между тем здоровяк из СБУ присел на перила террасы, и голова сидящего в кресле Толика оказалась на уровне его живота. Толик задрал голову, но ничего не увидел: восходящее солнце ударило ему в глаза.

– Вы крупно влипли, Зайцев – сообщил подошедший прокурор, – и я даже не знаю, есть ли у вас шансы...

Толик затравленно молчал.

– Дело в том, – доверительно сообщил эсбэушник, – что тот человек, чьи вещи вы прикарманили, оказался шпионом, имеющим прямое отношение к ядерным секретам нашей страны. Так как это дело больше не подпадает под компетенцию милиции, мы прибыли сюда лично, чтобы разобраться в случившемся.

– Причем имеем самые широкие полномочия, – подтвердил прокурор.

– Но я ни при чем! – возопил несчастный Толик, – я уже сколько раз говорил вот тому товарищу! – он указал на младшего лейтенанта.

– Короче, Зайцев! – наклонился к Толику здоровяк, – или ты перестаешь валять дурака, или мы сейчас тебя... за пособничество агенту враждебного государства, – вполголоса сказал он, и вдруг заорал:

– Где, твою мать, часы и документы?!

Толик быстро протянул руку запястьем вперед.

– Снимай, – велел эсбэушник.

Толик подчинился.

– Документы?

– А документов не было... – пролепетал Толик.

– А что было? – наклонился ближе прокурор.

– Так это... карточки разные и... – Толик замялся, – деньги, чуть-чуть, я вовсе...

– Быстро за карточками и деньгами – велел суровый прокурор, – чтоб через полторы минуты был здесь. Нет – значит, каждая минута опоздания – три года к сроку. Товарищ младший лейтенант, – обернулся он к стоявшему возле террасы милиционеру, – проследите. Если попытается сбежать – вы знаете, что делать!

Младший лейтенант кивнул, похлопал себя по боку, очевидно проверил, на месте ли пистолет, и пошел за Толиком.

Тем временем Толик несся в сторожку, точно гонец, несущий императору весть об окончании войны.

За двадцать секунд Толик выволок из-за угла лестницу, установил ее, и в три прыжка очутился на чердаке.

Младший лейтенант полез за ним.

Димка достал сигареты и закурил. Голубых, сидя на перилах, вертел в руках «Ролекс».

– Как думаешь, все принесет? – Димка выдохнул струйку дыма.

Голубых пожал плечами. Едва увидев Толика, он понял, что тот не имеет к убийству сторожа никакого отношения.

– А как же проверить?

– Пообещай ему медаль за содействие, – Миша вертел в руках часы. – Надо же, первый раз в руках держу! Интересно, они настоящие?

– Дай-ка, – Димка взял часы. – Судя по весу... Похоже, что да. Серийники на боках, прокладка возле завода...

– Корона же вот! – ткнул пальцем Миша.

– А-а-а, – пренебрежительно сморщил губы Димка. – Корона не показатель... Тут другое. Смотри, стекло увеличивает цифры, если смотреть под определенным углом, видишь? – он повертел циферблатом перед лицом Миши. Тот кивнул.

– Потом, что еще... Ну не помню, вроде стрелка должна плавно-плавно идти.

– Вроде идет, – согласился Михаил.

– Тут еще вот в чем фишка: такие часы можно пробить по серийнику. Эти цифры расшифровываются: год выпуска, модель, страна-продавец... Я все не помню, можно глянуть в Интернете.

– Это вариант – одобрил Миша, доставая «НТС».

Тем временем Толик вылез из окна, держа в руках какой-то сверток, торопливо слез по лестнице и зарылся обратно.

Павел шагал следом.

– Принес? – грозно спросил Димка.

– Так точно, – несмело пробормотал Толик и протянул сверток.

– Развязывай, – негромко бросил Михаил, рассматривая часы, и щелкнул в кармане курком.

В мгновение ока сверток раскрылся.

В целлофановом пакете лежали деньги и перевязанные резинкой четыре кредитки.

– Сколько здесь? – спросил Голубых.

Толик зашевелил губами.

– Я имею ввиду, сколько денег убитого, – уточнил Миша. – И учти, скажешь правду – оставишь себе. Соврешь – все пойдет в бюджет государства.

– Восемьсот двадцать долларов две тысячи четыреста тридцать два рубля! – скороговоркой отрапортовал Толик.

Трое приехавших переглянулись.

– Это те деньги, которые были при нем? – уточнил Павел.

– Ну да, были в кошельке, а те – это мои, – закивал Толик.

– Карты мы конфискуем, – задумчиво сказал Миша, и перехватив красноречивый взгляд Толика, добавил:

– Деньги можешь оставить себе...

– А... часы как же? – робко спросил Толик. – Может, и их можно... ну в смысле...

Оба Колесниченко посмотрели на Голубых.

– Часы – это государственная улика, – отрезал тот. Толик опустил голову.

– Радуйся, что еще дешево отделался – заявил Димка – а то мог бы... за незаконное присвоение....

Глядя на нелепую фигуру в мокром халате, Михаил почувствовал жалость.

– В общем так, Зайцев, – официальным голосом сказал Михаил, снова переходя на «вы».

– Если будете помогать следствию, компенсируем вам стоимость часов. А если будете хорошо помогать, – получите, ну орден не обещаю, но медаль вполне может быть.

Толик встрепенулся.

– Буду содействовать в полной мере – с готовностью сказал он.

– Рассказывайте.

– Что рассказывать?

– Все.

* * *

Где-то на середине пути, уже за пределами родной области, в воздухе запахло озоном. Мне показалось было, что вдалеке появились тучи, но горизонт был чист. Машин практически не было, но как неопытный водитель, я предусмотрительно сбавил скорость до восьмидесяти. В воздухе отчетливее запахло озоном, предвестником грозы.

А через пару километров совсем рядом показались нитки молний.

Как-то сразу трассу впереди затянуло пеленой дождя. Меньше чем через минуту я оказался, так сказать, в гуще событий. Дорога плавно спускаясь, поворачивала вниз. Что ж, я не профи, да и машинка новенькая. Сбавим еще.

Я съехал в низину, из-за дождя ничего не было видно. Впереди что-то светилось ярким светом, словно сигнальные огни. Я стал притормаживать, как вдруг...

Справа на капот с противным скрежещущим грохотом или грохочущим скрежетом свалилось нечто, перекаатилось и упало на дорогу. Я машинально дал газ, но спохватившись, нажал на тормоза. Проехав несколько метров, машина дернулась и стала. А тормозной путь неплохой, надо сказать... Я выскочил из машины, забыв закрыть дверь и в три прыжка оказался на месте столкновения.

На асфальте лежал, вернее, сидел, тупо встряхивая головой, промокший до нитки пацан лет десяти-двенадцати в одном кроссовке. Второй валялся в нескольких метрах. На мальчишке была надетая на одну руку половина ветровки, вернее то, что от нее осталось. Остатки несколькими тряпичными полосами, в радиусе нескольких метров, как сказали бы японцы, олицетворяли борьбу порядка и хаоса.

Если не считать слегка разорванных джинсов (может, дань моде), в остальном ничего страшного. Крови, по крайней мере, не было.

– Эй, ты как? – Подойдя, я осторожно тронул его за плечо.

Мальчик что-то неразборчиво бормотал, сквозь шум дождя не разобрать что именно, тупо уставившись в одну точку. Здорово, должно быть, его приложило! Я обошел вокруг и присел на корточки рядом. По лицу заструилась холодная вода. Футболка враз намочка.

Обычный пацан, темноволосый, круглолицый, на вид нормальный. Если не считать, конечно, бормотания и идиотского выражения лица.

Вспомнив курсы оказания первой помощи, я осторожно пощупал его. Вроде ничего страшного. Но я же не врач! А если внутренние повреждения? Я встал и осмотрелся вокруг. Из-за дождя ничего не было видно. Что он тут делал, в поле? Может, где-то друзья или родители? Но не искать же их!

Я поднял мальчишку на руки, он казался совсем легким, и понес в машину. Открыв дверцу, я усадил его на переднее сиденье.

Подобрав все следы, в виде рваных тряпок, я скомкал все и кинул на заднее сиденье. Хорошо, что чехлы кожаные...

Усевшись за руль, я повернулся к пацану.

– Ты в порядке?

Он посмотрел на меня и несмело кивнул.

– Ничего не сломано, чувствуешь себя нормально? – продолжал я расспрашивать.

– В-вроде н-нормально, – пробормотал мальчишка.

– Откуда ты взялся? – завелся я. – Я же мог сбить тебя к чертовой матери! Чего под колеса бросаешься! – я с трудом сдерживался. С опозданием включились рефлексy, и накопившийся адреналин требовал выхода. Позднее зажигание.

– Т-так.

– Что «так»?

– Т-так п-просто.

Он что, заика? Или это я его притормозил?

Я закрыл глаза, приходя в себя. А что там с машиной?

Я выскочил из машины и под струями холодной воды осмотрел капот. Вроде пронесло, ни царапинки... Впрочем, это будет известно позже, когда прекратится дождь.

Я поймал себя на мысли, что в создавшейся ситуации щупать крыло автомобиля не совсем этично, особенно если учесть, что в метре сидит мальчик, который по моей милости чуть было не отправился на тот свет.

Отличный повод нашим «патриотам», чтобы оповестить сочувствующих о негодях, покупающих за национальную валюту зарубежную технику, чтобы убивать соотечественников!

Я уселся в машину и завел двигатель. Подстилка на сиденье сразу намочила.

Мальчик, судя по всему, окончательно пришел в себя и теперь с любопытством оглядывался вокруг.

– Ты где живешь, камикадзе? – спросил я его.

Тот пожал плечами.

– Не помню.

Этого еще не хватало! Правду говорят о законе парности, он же – равновесия. Если где-то хорошо, значит, будет плохо. И похоже, он уже действует.

Я быстро ощупал его карманы. Мальчишка следил за моими действиями с удивленным испугом. Может, принял меня за грабителя-педофила? Пусто. Я сунул ему в руки мокрый кроссовок. Некоторое время он тупо смотрел на него, а потом неловко стал натягивать.

– А мобила? Есть у тебя мобила?

Мальчишка покачал головой. Ну надо же! Сейчас даже в детском саду дети поголовно с телефонами, а этот, судя по виду, уже в классе пятом. И без телефона! Здорово! Может, он детдомовский?

– Где твои родители?

– Н-не помню, – с запинкой сказал мальчишка, твердо глядя мне в глаза. Что же делать? Придется везти его в больницу. Где тут ближайшая больница?

Свидетелей не было, дорога в оба конца, насколько хватало зрения, была пустынной. Я запомнил место в навигаторе, мало ли что, потом доказывай! и тронулся с места. Теперь, наученный горьким опытом, больше сорока я не рисковал давать. Хотя, если судить по теории вероятности, в ближайшие пять лет мне такие попутчики больше не грозят. Не в смысле того, что не дай бог, придется отбывать срок, а потому что такое больше не повторится. Не должно, по крайней мере.

Это у нас практикуется. Стоит вора обчистить квартиру, как хозяева тут же начинают ставить бронированные двери и решетки на окна. Или взрывается газовый баллон в кафе, и начинаются поголовные проверки всех кабаков.

Нет, чтобы заранее привести все в порядок, ждут, пока не грянет, а потом делают какие-то нелепые телодвижения, словно теперь это что-то даст!

Короче, я ехал, внимательно вглядываясь в пелену дождя. А потом дождь закончился так же внезапно, как и начался – впереди трасса была сухая и солнышко светило как ни в чем ни бывало!

* * *

Спустя час, проведенный в расспросах, и напившись чаю, принялись за осмотр.

– Анатолий, а вы не проверяли этот дом? – Павел указал на центральный корпус.

– Так ведь необходимости не было! – улыбнулся польщенный Толик. – Чего я там не видел?

Миша задумчиво грыз травинку.

– Короче так, – сказал он, решительно вставая с места – давайте разделимся и осмотрим дом. Если два на два – быстрее будет.

– Логично – кивнул Димка и шелчком отправил очередной окурок в кусты.

– Вы наверх, а я вниз. Встретимся на полдороге. Где тут вход в подвал? – Миша подошел к двери, со скрипом раскрыл ее и заглянул в вестибюль. – Надо же, не закрыто! – Он зашел в дом.

Толик пошел следом.

– А свет как организовать? – Миша с любопытством рассматривал вестибюль.

– Сейчас организуем, – махнул рукой Толик и исчез.

– Тени прошлого – раздался голос Димки – обломки великой державы, на которых кое-как построена держава нынешняя. Как гриб на пне. – Он не спеша прохаживался по залу. – Эти картинки – он показал на обшарпанные плакаты – не что иное, как комиксы нашего детства.

– Что, настроение поднялось? – небрежно бросил Павел, осматриваясь по сторонам.

– Есть немного.

Над потолком загорелось несколько лампочек. Если бы не грязные окна, никто бы этого не заметил.

– Интересно, а он работает? – Димка потрогал висящий на гвозде огнетушитель. – Тут даже пломба есть!

– Свет дали, – отрапортовал Толик, появившись.

– Ну раз дали, я вниз – Миша двинулся в конец зала.

– Я с вами – появился рядом Павел.

– Не возражаю.

Димка посмотрел на них и со вздохом пошел к лестнице. Толик поспешил за ним.

– Эй, а что мы ищем-то? – крикнул Димка вслед.

– Все необычное – донеслось издалека.

Шагая рядом с Михаилом, Павел не удержался:

– Миш, а почему подвал? Чего мы туда лезем?

– Ощущение у меня такое – отмахнулся тот.

– А все-таки? – не отставал Паша.

– Ты помнишь, что он сказал? – спросил Миша, спускаясь вниз.

– А что?

– Люди пробыли в доме около получаса.

– Да.

– Зашли в дом, а освещение – одна маленькая лампочка. Вряд ли они заседали там при свечах... а света, вспомни, нигде не было видно.

– А на той стороне дома? – предположил Павел, вслед за Мишей наклоняя голову, чтобы не задеть болтающийся обрывок провода.

– А если кто-то увидел бы? Нет, думаю наверху они и не появлялись... Опа! – воскликнул Миша. Они вошли в душевую комнату. И первое, что бросилось в глаза – аккуратно стоявшие на старой парте лотки, своей формой отдаленно напоминающие почки.

– Ну-с, молодой человек, как вы думаете, сколько было гостей? – Наклонившись, Миша сфотографировал лотки.

– Минимум восемь – отозвался Павел, оглядывая комнату. – Минимум, потому что наш мог быть без тарелки. Если это вообще... наше.

– Наше, думаю, что наше. – Михаил делал снимки. – Когда закончим, надо будет...

– Упаковать, я знаю – перебил его Паша. – И пробить пальцы.

– Надо же! – удивился Миша – Ты даже про пальцы знаешь!

– Я все знаю, только не могу понять, нафига им эти тарелочки?

Миша закончил снимать и прошелся вокруг стола, разглядывая стены. Тем временем Павел с трудом отворил дверь и зашел во вторую комнату. Разглядывая полученные снимки, Михаил последовал за ним.

– А как вам это? – Павел показал на стулья в центре зала. – А стульев-то девять! Мы с вами ошиблись на одного.

– Это вы ошиблись. Я ничего не говорил. – Миша оглядывался вокруг. – Надо же! Тайная вечеря!

– Чего?

– Да так, навеяло... Что там? – Михаил подошел к Павлу, что-то разглядывающему на полу и присел рядом на корточки.

– Вот так. Это, судя по всему, было что-то интересное, может даже документы, что мы искали – Павел указал на кучку пепла, – а это совсем интересно! – Он коснулся кончиком пальца кучки пластмассовых обломков. – В общем, интуиция вас не подвела.

Ничего не ответив, Миша достал из кармана пакет, надел его на руку и стал собирать обломки.

– Это что такое? Похоже на планшет. – Павел следил за действиями Михаила.

– Похоже – скупно отозвался тот.

– А пепел? – спросил Павел.

– А толку? Ничего это не даст. Теперь.

Миша положил на стол пакет с обломками.

– Итак, что мы имеем? Часы, куски планшета, пулю и четыре кредитки. Не фонтан конечно...

– Интересно, а можно будет восстановить флешку? – С любопытством спросил Павел.

– Какую флешку? – не понял Голубых.

– Ну флеш-память, в планшете. Это та же флешка, но встроенная. Так бывает.

– А-а-а, вон ты о чем... Думаю, что нет. – Миша почесал щетину на подбородке. – Я попробую показать моим ребятам, если они что-то поднимут... в чем я глубоко сомневаюсь.

– Откуда такой пессимизм? – Павел пошевелил пакет, пытаясь разглядеть флешку.

– Потому что вряд ли кто-то оставил после себя такие следы. Документы сжег, а носитель оставил? Очень маловероятно.

– Но не исключено?

– Не исключено.

Дальнейший поиск не дал результатов. Димка нашел наверху какую-то оборванную книжку, без начала и конца, в которой отдельные слова были обведены кружочками, и высказал предположение, что это – ключ к шифру, которое тут же было отвергнуто.

Толик притащил древнюю картину, на которой были изображена пара аистов в гнезде, причем если смотреть на картину под определенным углом, становились видны какие-то весьма подозрительные линии, вроде паутины. При этом Толик божился, что раньше ее не было. На что Димка ответил, что для получения ордена двух аистов, пожалуй, будет маловато, и что ищут они следы, которые укажут на высших млекопитающих, а никак не на пернатых.

Толик обиделся, и намекнул, что без него дело так и не сдвинулось бы с мертвой точки. Димка заметил, что именно благодаря Толику и никому другому эта самая точка и появилась.

Тогда Толик дал понять, кто именно в их следственной группе, если исходить из полезности, является такой точкой. От дальнейших уточнений его удержал Голубых, которому словесная перепалка мешала сосредоточиться.

– Итак, что мы имеем? – спросил он, шагая по террасе. – Неплохие шансы у этих восьми уток в смысле пальцев, маленький шанс у планшета в смысле документов, маленький шанс у «Ролекса» в смысле хозяина, средние шансы у кредиток. Если их уже не аннулировали. – Миша выразительно поглядел на Толика. Тот сделал вид, что его это не касается.

Павел сидел в уголке, рассматривая обломки планшета, пытаясь найти название.

– А интересно, – робко спросил Толик, поочередно поглядывая то на Михаила, то на Павла. – Почему эта компания именно у нас здесь собралась? В том же Киеве или в районе полно мест, где можно встречаться...

– Если бы убийство произошло не здесь, а в ста километрах отсюда, там бы тоже задали этот вопрос! – Ядовито усмехнулся Димка. – Глушь здесь, потому и собрались. Цивилизации ноль! Поселок этот с комбинатом и все!

– Чего это все! Цивилизация очень даже вполне! – вступился Толик за родной край. – Наоборот даже, природа, воздух, то, се, не то, что у вас там, в городе!

– Цивилизация, дорогой товарищ, в данном контексте означает, что никто в ваш этот шанхай ни копейки инвестиций не вложит! Плюс к тому, что никто и никогда из вышестоящих чинов, не посетит этот богатый воздухом и природой поселок даже если тут найдут нефть, в чем я глубоко сомневаюсь! – И Димка обличающе указал пальцем на Толика.

– Как это – не посещает! – запротестовал Толик. – Тут, между прочим, две трассы союзного значения проходят, совсем недалеко, километров... – он задумался.

– Шестьдесят? Восемьдесят? – Насмешливо спросил Димка, – Не-ет! Именно потому, что здесь трупобой, и не было необходимости что-то планировать. Убили человека, и все. Мог три года пролежать, и никто бы не увидел.

– Я увидел! Как это никто? – возмутился Толик.

– Так это случайность! Кто ж мог знать, что ты будешь где-то по лесам бегать, вместо того, чтоб дома спокойно сидеть!

– Я, между прочим, по делам ходил. И если б тогда я с Константин Михалычем остался, то... – Толик осекся.

– То что? Тогда бы точно через пару лет вас обоих нашли! Если бы опознали!

Михаил, расхаживающий по террасе, неожиданно остановился.

– Ну-ка, повтори, что ты сказал? – Он глянул на Толика.

– Если бы я остался с ним, я бы его... ему помог, – твердо сказал тот.

– Нет-нет, насчет места! Что ты сказал, здесь проходит?

Павел поднял голову.

– Так трассы же! Одна...

Михаил его уже не слушал, сосредоточенно открывая Google Maps. На ярком экране «НТС» квадратами загружалась карта района.

– Вот оно. – Торжествующе проговорил Михаил. – А ларчик просто открывался... По крайней мере в части вопроса о месте сбора.

– Ну да, все люди могли собираться с разных областей. – Согласился Павел. – Киев, Борисполь, трассы... Да может из России... Смысл есть. Сел на машину – и с комфортом на месте.

– С комфортом говоришь? – прищурился Михаил. – А если ехать – тыщу километров, комфорт-то не особо!.. – Он повернулся к Толику. – А те, что приехали, они сами за рулем были, или их привезли?

Толик задумался. События месячной давности уже начали заволакиваться туманом новых впечатлений.

– Ну, не помню, времени-то прошло сколько!

– Неужели так сложно! – вскинулся Димка. – Если сами, значит сами, если с водителями – еще столько же людей! Была там толпа, что ли?

– Да нет... – задумался Толик. – Те же, что вошли, те и вышли.

– А садились они куда? – Повысил голос Голубых. – Вперед, или назад?

– О! Назад, точно, назад... Точно говорю, назад! – Толик поднял высохший, словно стебель полыни в октябре, палец и внимательно посмотрел на венчающий его грязноватый ноготь.

- Значит, крутые шишки! – предположил Павел, – раз все на водителях.
- Ничего это не значит! – отрезал Михаил. – Ровным счетом.
- Но есть общие для всех факторы! – не согласился Павел. – Никто же на трамвае не приехал! Все на машинах. Значит, состоятельные люди. Вот нас учили...
- Лучше тогда скажи мне, как объяснить убийство? – вмешался Димка.
- Кого? Михалыча этого? Так он помешал, тебе ж сказали! – поднял брови Паша.
- Причем тут Михалыч! Этого, левши, который всех собрал! Зачем он застрелился?
- Очень просто! – пожал плечами Толик. – Он понял, что ему больше ничего не светит.
- В смысле? – обернулся к нему Димка.
- Да в прямом смысле! Что-то значит, они ему сообщили. То ли денег был много должен, то ли ему должны, но не отдали... Может, со здоровьем совсем плохо было, – стал загибать пальцы Толик, – семья была у них в заложниках, то, се... да мало ли!
- Какая семья? – обалдело уставился на него Димка, вытянув руки и забыв положить локти на стол.
- Его семья, – спокойно ответил Толик, гордясь собой. – А что? Вы хотели сотрудничать – так я вам сразу версии выдаю. Вот прибор он и разбил с психу!
- А лотки? – с интересом спросил Павел.
- А что лотки? Может они случайно там были, так совпало просто... Откуда я могу знать?.. А чего, могу! Может, ему туда должны были взносы класть!
- Бред! – плюнул Димка – Если бы взносы, как ты говоришь, тогда достаточно было бы одного лотка, а тут восемь! Почему? А, господин сыщик?
- Потому что он хотел знать, кто сколько даст, – не растерялся Толик, – вон, как на свадьбах бывает? Кладут, а потом считают, кто сколь...
- Короче, – подвел итог Голубых. – Дело закрыто? У вас уже версий вагон! Одна другой лучше. Цель приезда и цель самоубийства уже никого не интересует, так ведь?
- Паша неопределенно пожал плечами, что должно было означать согласие.
- А вы, товарищ Зайцев, очень помогли нам, – протянул сто гривен Миша Толику. – Так что вот компенсация.
- А... орд.. медаль как же? – с надеждой посмотрел на Мишу Толик, бережно беря деньги.
- Но мы же не выдаем наград, – с удивлением сказал Димка. – Это не в нашей компетенции. Мы доложим, куда надо, вас вызовут, и вручат.
- Когда?
- Вряд ли скоро, – включился в игру Павел. – Штат маленький. – Медалей больше чем людей. Это вам просто – пошел и получил. А оформить? Сто бумаг надо! И соцзащита, и пенсионный, и налоговая! – Он махнул рукой. – Хорошо, если в течении года.
- Некоторые и по три ждут! – кивнул Димка – Это если указ президента будет, то да, быстро. Но тут, к сожалению, на указ не тянет. Вот если б ты из горящего дома детей спас, или там стариков, тогда да. А так уж не обессудь. – Он развел руками.
- Да я могу и подождать, – пробурчал Толик, которому слово «налоговая» поубавило пыл. – Я-то, в принципе, не из-за награды содействую, просто... – он вздохнул, – воспитание такое, чувство долга, то... се...
- Ладно, нам пора – подытожил Миша и протянул руку Толику. – Если что, мы не прощаемся.
- Они попрощались и сели в машину.
- А Толик, прикинув в уме, насколько он разбогател, вернулся к чаю, и поглядывая на картину, стал думать об ордене.

* * *

Я посмотрел на мальчишку. Тот сидел прямо, смешно вытянув руку, держась за ручку, расположенную над дверцей и внимательно смотрел на дорогу.

– Зовут-то тебя как? – вздохнув, спросил я его.

– Антон, – не оборачиваясь, ответил пацан.

– Артур, – представился я.

– Рад знакомству, – важно сказал Антон, и соизволил посмотреть на меня.

Мне стало смешно. Рад знакомству! А вот я не очень. Обстановка, знаете ли, не располагает, и обстоятельства знакомства таковы, что...

– Куда мы едем? – повернулся Антон ко мне.

– В ближайшую больницу. Или к тебе домой. Если вспомнишь, где он!

– Не надо в больницу!

– А что мне с тобой делать? – удивился я. – Если бы ты не бросился мне под колеса, все было бы гораздо проще. А так... Что прикажешь делать?

– А ты куда едешь? – перебил меня Антон.

– Ну... в Киев.

– В Киев... – мальчишка задумался. – Я с тобой! – вдруг решительно заявил он. Бойкий, однако!

– Как бы я не был рад столь приятному времяпровождению, но увы, я вынужден вам отказать, мой друг! – отвечивал я маленькому наглецу.

– Но мне надо! – нагло заявил пацан.

– А что скажет мама? – спросил я.

– Ничего не скажет. У меня нет мамы. Никого нет! – крикнул Антон.

Сирота, что ли? Или дурака валяет?

– Ты что, из детдома?

– Не скажу.

– Что ж, значит в больницу. Там скажешь! Или до ближайшего поста ГАИ. Там разберутся.

– Никуда я не поеду!... – заорал мальчишка и вдруг захрипел и стал извиваться на сиденье. Твою ж мать!

Я резко затормозил, сворачивая на обочину.

Побледневшее лицо Антона, ниточка слюны, протянувшаяся от угла рта, и пульсирующая жилка на виске производили крайне негативное впечатление, и не предвещали мне ничего хорошего.

Я открыл дверцу и вытащил мальчика на траву. Грудь его медленно поднималась в такт тяжелому дыханию. Чем же ему помочь? В аптечке есть жгут, зеленка, супрастин и анальгин. Неплохой конечно, выбор, но что делать в таких случаях? По фильмам я знал, что в подобных случаях нужно сделать укол адреналина в сердце. По собственному опыту помнил, что если присутствуют конвульсии с пеной, больному нужно приподнять голову, чтобы не захлебнулся, сунуть в рот палку, чтобы не откусил чего лишнего и положить набок.

Приподняв Антона и наискось прислонив его спиной к себе, я осторожно засунул ему в рот какой-то сучок, валявшийся поблизости. Надеюсь, меня простят за вынужденную антисанитарию. Других предметов, могущих сыграть подобную роль, если не считать моего мобильного, поблизости не было.

Антон дернулся и затих. Дышит? Вроде дышит. Я некоторое время сидел и держал его голову на коленях. Мальчишка временами подергивался, и судорожно дышал.

Послышался шум двигателя. Я повернул голову. Новенькая «Мазда». Внутри – две девушки. Проезжая мимо, притормозили, с любопытством разглядывая происходящее, потом увеличили скорость, несмотря на мои неистовые махи руками.

Следом – «Волга» с наклейкой на заднем стекле «Доктор». Ноль внимания. Они что, все с ума посходили? Видят же, что пацану нужна помощь! Да, будешь кровью истекать, не останутся. Хоть ложись поперек дороги. И то, в лучшем случае, отодвинут, чтобы не мешал, а то и просто переедут!

Чем же помочь пацану? Может, воды? Аккуратно опустив его голову на траву, я сбежал за бутылкой, и набрав в рот минералки, брызнул на Антона. Некоторое время тот лежал неподвижно, затем медленно открыл глаза.

– Мне нужно поехать с тобой! – слабым голосом сказал мальчик. – Помоги мне, или меня убьют!

Сначала я даже не удивился. Я уловил смысл фразы, но не целиком, а частями. На выбор два варианта – или помогаю, или убьют. Ха, убьют! Да я первый его едва не убил! Он и уцелел-то чудом, благодаря моей бережливости!

Я поднялся, отряхивая колени.

– Ты что, эпилептик? – спросил я его, и рывком поставил на ноги.

– Никакой я не эпилептик, – мрачно сказал Антон. – Просто мне нужна помощь.

– Откуда ты взялся? – горестно спросил я и отхлебнул воды.

Пацан махнул рукой куда-то в сторону.

Ну да, еще бы!

– Садись, поехали! – я подождал, покуда он сядет, и захлопнул дверцу.

Некоторое время мы ехали молча. Я не знал, как начать разговор, а он молчал, разглядывая оторвавшийся краешек пленки на приборной панели.

Нашел, куда смотреть! Я, разумеется, давно заметил этот надрыв, но не успел, вернее, не стал ремонтировать. Это позже, когда основное приведу в порядок, займусь салоном.

Но сейчас это демонстративное разглядывание было мне неприятно.

– Как ты себя чувствуешь? – тупо спросил я, не придумав ничего умнее. Но это сработало. Антон отвернулся от панели и искоса глянул на меня.

– Нормально. Уже лучше. Спасибо. – После каждого предложения, он будто раздумывал, продолжать или нет. Три предложения, словно три забитых гвоздя, каждый из которых нес в себе невероятно информативный характер. Но вежливо.

Я промолчал.

Через час мы въехали в какой-то поселок. Я остановился на заправке. Сунув в окошко деньги, и спросил у кассирши, где тут у них больница. Или что-то в этом роде. Женщина нехотя объяснила дорогу.

Я заливал в бак бензин, обдумывая, как быть с мальчишкой. Станный он какой-то. Снаружи нормальный, а взглядишь повнимательнее – полный псих. Или нет?

Купив пару чебуреков тут же, на заправке, я протянул один Антону. Он тут же вгрызся в него зубами с таким остервенением, словно голодал, по меньшей мере, неделю. Помедлив, я отдал ему второй чебурек.

– Спасибо, – с набитым ртом пробурчал мальчишка. Уши его ритмично двигались в такт жеванию.

– На здоровье.

Прикончив чебурек, он ладонью вытер рот и смущенно пояснил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.